PG
3321
.A93S6

LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class PG
Book A

YUDIN COLLECTION

СКАЗКА

О

ЗАКОЛДОВАННОМЪ ЦАРѢ.

СОЧИНЕНІЕ

П. Аверажъ.

МОСКВА.
1846

1048
300

СКАЗКА

О ЗАКОЛДОВАННОМЪ ЦАРѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. Аверкіевъ.

МОСКВА.
Въ типографіи Н. Степанова.
1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Октября 19 дня 1846 года.

Цензоръ *Петръ Страховъ.*

SEP Aug 24,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

За горами, за морями,
Между дикими звѣрями,
На прибрежьи шумныхъ водъ,
По прозванью Тихоходъ,
Жилъ старикъ подъ ветхой кровлей;
Занимался рыбной ловлей,
И на лодочкѣ своей,
Запоздалыхъ всѣхъ гостей,
Коимъ шумъ воды грозилъ,
Чрезъ рѣку перевозилъ.
Былъ и мостъ на той рѣкѣ,
Чуть сомкнутый, на легкѣ,
Такъ ужъ всѣ, почти, купцы,
Иль какіе удальцы,
Побывавши въ той границѣ
За звѣрьми, иль рѣдкой птицей,

Возвращаяся домой,
Запоздалою порой,
Того мостика боялись,
Къ Тихоходу отправлялись;
Кланялися старику,
Чтобы везъ ихъ чрезъ рѣку.

Схоронивъ жену старушку,
Тихоходъ въ свою избушку,
Какъ въ берлогу звѣрь, забился
И отъ свѣта удалился.
Долго онъ грустилъ и плакалъ,
И стоналъ, подъ часъ, и ахалъ;
Вспоминать безъ слёзъ не могъ,
Тосковалъ и изнемогъ.
То бывало выдетъ въ горы
Поискать звѣрины норы,
То заброситъ въ воду сѣть,
То захочетъ пѣсню спѣть;
То бѣжитъ какъ горный звѣрь;
То припрыгнетъ.... а теперь —
Онъ и пѣсенъ не поётъ
И ѣда на умъ нейдетъ.

Но старикъ не сиротина,
У него было три сына.
Три красивыхъ молодца,
Всѣ, какъ вылиты, въ отца.
Всѣ пригожи и всѣ бравы,
Только разные ихъ нравы.
Старшій братъ изъ нихъ, Гаврило,
Жилъ въ семьѣ какъ надо было;
Но хитёръ и плутоватъ,
И на деньгу тароватъ.
Средній также былъ не глупъ,
Но за то ужъ крѣпко скупъ;
Никого не уважалъ
И лишь деньги обожалъ;
Такъ Петра и не любили,
Слишкомъ гордъ, всѣ говорили.
Эти братья ужились,
Межъ собою не дрались.
Вмѣстѣ по̀ лѣсу ходили,
Вмѣстѣ птицъ, звѣрей ловили.
И случалося порой,
Приходя изъ горъ домой,
Предъ избой добычу клали

И на мѣстѣ продавали;
Иль купцовъ продать просили,
Тѣ имъ деньги приносили.
Въ рыбномъ ловѣ помогали;
По волнамъ въ ладьѣ летали.
Прударятъ въ вёслы дружно,
И проѣдутъ гдѣ имъ нужно;
И стрѣляли дикихъ козъ,
И держали перевозъ.

Наконецъ послѣдній братъ
Былъ довольно простоватъ.
Ростомъ также былъ дѣтина,
Также издали картина;
А вблизи былъ неуклюжъ,
И не такъ, какъ братья, дюжъ.
Не причёсанъ, не примазанъ,
И судьбой своей наказанъ.
Братья все надъ нимъ смѣялись,
Издѣвались, надругались;
Но спасибо, что Иванъ,
Какъ извѣстно будетъ намъ,
Этимъ даромъ не гордился,

Что глупый другихъ родился.
Въ домѣ жъ всѣхъ трудился боле,
И скотину гонялъ въ поле,
И избу Иванъ топилъ,
И, подъ часъ, самъ щи варилъ.
Ѣздилъ въ лѣсъ онъ по дрова,
Хоть пустая голова,
А трудиться былъ охотникъ,
И ужъ впрямь Иванъ работникъ.
Чуть покажется лишь свѣтъ,
А его въ избѣ ужъ нѣтъ.
Самой раннею порой
Принесетъ воды домой,
Чисто избу подметётъ,
За грибами въ лѣсъ уйдетъ.
Молчаливъ былъ какъ хохолъ
И работалъ онъ какъ волъ.
А Ивана не любили,
Братья съ нимъ не говорили;
Все грозились кулакомъ,
Называли дуракомъ;
Обѣщали выгнать вонъ,
Да старикъ-то былъ умёнъ:

Не послушалъ ихъ ни раза,
Не давалъ сыну отказа.

Мать предобрая одна,
Часто плакала она,
Больше всѣхъ его любила,
И не рѣдко говорила:
»Ну, возлюбленный мой сынъ,
»Скоро будешь ты одинъ,
»Безъ куска, быть можетъ, хлѣба,
»Подъ покровомъ только неба;
»А моя близка могила,
»Чую — кровь во мнѣ остыла.«
Мать не даромъ горевала,
Съ каждымъ днемъ все увядала,
И къ концу одной недѣли
Её въ церкви ужъ отпѣли;
Прахъ въ могилу опустили;
Долго, долго всѣ грустили.
Горько плакалъ нашъ Иванъ,
(Коль сказать всю правду вамъ,
Хотя былъ онъ глупъ довольно,
Но любилъ старуху больно).

И надъ прахомъ своей милой,
Старикъ бился надъ могилой.
Всѣ узнали наконецъ:
Не снесётъ печаль отецъ.

И, дѣйствительно, какъ ахнулъ,
Такъ, съ тѣхъ поръ, онъ и зачахнулъ.
Все оставилъ ремесло,
Птицы, звѣри и весло
Его больше не прельщало,
Сердце-жъ такъ въ немъ и пищало.
Мраченъ онъ, какъ тѣнь, ходилъ,
Все съ женою схоронилъ.
Не носилъ старикъ личину,
Но все ждалъ свою кончину.
Мудрено-ль весь вѣкъ изживши,
Горе, радость съ ней дѣливши,
Вдругъ подругу потерять —
И себя такъ увѣрять:
»До свиданья, другъ мой милый,
Мы сойдемся за могилой.«

Вотъ прошло почти полгода,
Наступила непогода.

Вѣтеръ по̀ полю носился,
Дождь на землю такъ и лился.
На печи дуракъ валялся,
Котъ съ Иваномъ забавлялся.
И лучина затрещала,
Ярко избу освѣщала.
Братья съ старцемъ говорили,
И смѣялись и шутили,
О бываломъ, небываломъ,
О дѣлахъ, о томъ, о сёмъ;
Но отецъ ихъ грустенъ былъ,
Думу горькую таилъ.

Вечеръ къ ужину склонился —
И Иванъ съ печи спустился.
Всѣ усѣлись чинно врядъ,
Всѣ ѣдятъ, не говорятъ;
Щи горячія дымятся,
Ложки около вертятся;
И дуракъ перекрестился,
За ломоть свой ухватился;
Пододвинулъ чашу ближе,
Наклонился самъ пониже;

Вотъ повелъ рукой по брюху,
Отломилъ еще краюху.
На лицѣ прошибъ ужъ потъ,
Онъ того не замѣчаетъ —
Все изъ чаши прямо въ ротъ,
Онъ по прежнему таскаетъ;
И сидитъ тихъ, какъ овечка,
Во весь ужинъ ни словечка.

Капалъ дождикъ на избушку,
Доѣдалъ дуракъ краюшку;
Вдругъ закашлялъ, закряхтѣлъ
И сказать что-то хотѣлъ;
Да не зналъ съ чего начать.
Головой онъ сталъ качать;
Ротъ разинулъ, утёръ носъ,
Отряхнулъ овинъ волосъ,
Къ старику оборотился,
И со смѣху покатился.
Какъ ни мраченъ былъ отецъ,
Улыбнулся наконецъ,
И сказалъ Ивану тихо:
»Ну, смѣёшься ты, братъ, лихо.

»Что тебѣ за мысль пришла,
»Или, просто, дурь нашла?«

— »Постой, бачка, ни гугу,
»Я ни скрою, ни солгу,
»Дай отдо́хнуть лишь отъ смѣху,
»Разскажу тебѣ потѣху.«
Отдохнувъ онъ началъ: »Вотъ —
»Какъ пригналъ я съ поля скотъ,
»Чуть до дома дотащился,
»Да на печь и завалился.
»Крѣпко, что-то, не спало́сь.
»Знать не ѣвши лечь пришлось.
»На дворѣ пошла гроза,
»Мнѣ полезла дурь въ глаза:
»Все могилы, черти, звѣри,
»То ломаютъ, будто, двери,
»То забьютъ въ набатъ тревогу,
»То тащатъ меня за но́гу.
»То вдругъ страшный чортъ рогатый,
»Скачетъ на козлѣ лохтатомъ;
»То, какъ вѣтеръ, онъ взовьётся,
»И по воздуху несётся;

»То пѣтухъ нашъ захохочетъ,
»Съѣсть меня живаго хочетъ.
»То, какъ будто, муравей,
»Съ страшной рожей, не своей,
»Съ пребольшущими когтями,
»Прётъ телѣгу все съ чертями.
»То покажется мнѣ мать —
»Начинаетъ обнимать....
»Я вскочилъ, перекрестился,
»На другой бокъ завалился,
»Тутъ заснулъ. И вижу сонъ,
»Какъ началъ-то, бишь, онъ?

»Да. Будто я въ избѣ пустой
»Былъ оставленъ сиротой,
»Безъ родителей, безъ братьевъ,
»Голъ, безъ хлѣба и безъ платьевъ.
»Сквозь окно смотрю на клячу,
»А самъ горько, горько плачу.
»Не дознаюсь, какъ попалъ
»Въ эту избу. — Ну, пропалъ!
»Сердце такъ во мнѣ и бьётся,
»Видно умирать придётся.

»На запорѣ все кругомъ,
»Я безъ хлѣба, босикомъ.
»Силой выдти попытался,
»Какъ ни бился, но остался,
»У дверей замокъ висѣлъ,
»Я опять къ окну подсѣлъ.

»Вотъ смотрю, вдругъ, пыль валитъ,
»Тройка удала летитъ,
»Что твоя стрѣла калёна,
»Даже прытче, чѣмъ ворона.
»А телѣга не простая,
»Вся, какъ солнце, золотая,
»Не такая какъ у насъ,
»Вся горитъ, что твой алмазъ!
»И кони всѣ вороные,
»Серебромъ всѣ облитые;
»Хомутъ жемчугомъ обитъ,
»Отъ ушей и до копытъ,
»Вьются гривы золотыя,
»Какъ каменья дорогіе,
»И у каждаго, изъ нихъ,
»По два крылушка своихъ.

»Два спрыгнули молодца,
»Вотъ и стали у крыльца.
»Я смекнулъ тутъ на умѣ:
»Вѣрно-мылъ они ко мнѣ.
»Вдругъ въ избушку постучали,
»Скоро двери затрещади,
»Съ крѣпкихъ петель полетѣли
»И гонцы ко мнѣ влетѣли.
»Но, войдя, остановились,
»Сняли шапки, поклонились.
»Эки только молодцы!
»Царски, подлинно, гонцы!
»Всѣ во златѣ, что отъ шапокъ —
»И до самыхъ даже пятокъ.
»А румяны словно свёкла,
»Что тебѣ сосѣдка Ѳекла!

»Подошли они ко мнѣ,
»Я сидѣлъ все на окнѣ;
»Очи звѣздочкой горятъ,
»И, какъ пташки, говорятъ:
»Что, молодчикъ, ты дуракъ?
—»Не ошиблись-мылъ, что такъ.

»Имъ сказалъ я, оробѣвши,
»И немного покраснѣвши.
—»Такъ тебя-то намъ и нужно,
»Толковать-же не досужно;
»Занималась лишь заря,
»Мы посланы отъ царя,
»Гдѣ-бы только ни наесть,
»Отыскать тебя—привезть—
»Въ его царскія палаты.
»Выбирай, вотъ, на: халаты,
»Сапоги, вотъ рукавицы....
»Прямо изъ твоей свѣтлицы,
»Мы сей-часъ поѣдемъ въ путь.
»Смотри-жъ, шапку не забудь.
»Да скорѣй, скорѣй, какъ можно,
»Намъ приказъ исполнить должно.
»Свѣтъ въ очахъ моихъ взмутился,
»Я спѣшилъ и суетился,
»Чуть держался на ногахъ
»И то въ разныхъ сапогахъ.
»Прислонившись объ лежанку,
»И халатъ вздѣлъ на изнанку.
»Меня тотчасъ подхватили,

»На телѣгу посадили,
»Взяли возжи и какъ разъ,
»Глядь! избушка вонъ изъ глазъ!

»Мы летимъ поверхъ земли,
»Черезъ избы и плетни.
»То надъ лѣсомъ, надъ горами,
»Страшно видѣть, какъ подъ нами,
»Чуть мелькаютъ, иногда,
»Моря, рѣки, города.
»То взовьёмся, вдругъ, стрѣлою,
»И, повѣрите-ль, порою,
»Только вихорь завываетъ,
»Такъ душа и замираетъ!
»Вотъ помчались вверхъ, сквозь тучъ,
»Вдругъ сверкнулъ горячій лучъ;
»Заблистали звѣзды ярки,
»Мы въ телѣгѣ, какъ на баркѣ.
»Гривы выросли лѣсами,
»И надулись парусами.
»Звѣзды, такъ почесь, надъ нами,
»Сыплютъ разными огнями.
»Много, много, словно свѣчки,

»Свѣтъ такой, какъ будто въ печкѣ.
»Я закрылъ глаза, признаться,
»И мы стали опускаться.
»Ѣдемъ, ѣдемъ, наконецъ —
»Показался намъ дворецъ.
»Его каменны палаты,
»И огромны и богаты;
»Стерегутъ ихъ двадцать ротъ;
»Вотъ мы слезли у воротъ,
»И пока я оправлялся,
»Барабанный бой раздался.
»Только сталъ на дворъ входить,
»Въ пушки зачали палить.
»Всѣ кричатъ, всѣ величаютъ,
»Какъ царя меня встрѣчаютъ;
»Шапки вверхъ летятъ, какъ птицы,
»На всѣхъ радостныя лицы.
»Вдругъ народъ засуетился,
»На двѣ кучи разступился;
»Царь на встрѣчу мнѣ бѣжитъ,
»Весь отъ радости дрожитъ;
»Какъ со мною поравнялся,
»Словно съ сыномъ, онъ обнялся,

»Долго, долго цѣловался,
»Долго мною любовался,
»И сказалъ мнѣ наконецъ:
»Ну, пойдемъ-же во дворецъ,
»Покажу тебѣ я дочь.
»Повалилъ народъ тутъ прочь.

»Всѣ давали намъ дорогу,
»Добрались мы, по немногу,
»Ко дворцу. — И вотъ вхожу,
»На всѣ стороны гляжу,
»Что за чудо, Боже мой!
»Потолокъ весь золотой,
»Весь горитъ и такъ свѣтлѣетъ,
»Словно солнце, даже грѣетъ.
»А хоромы со столбами,
»Съ пребольшущими окнами,
»И въ палатахъ словно садъ,
»Распѣваютъ птицы въ ладъ;
»На цвѣтахъ сидятъ душистыхъ,
»Или въ клѣткахъ золотистыхъ.
»Сладко музыка играетъ,
»Чудно все благоухаетъ.

»Полъ весь лоснится, какъ лёдъ.
»Тихо царь идётъ впередъ;
»Повернулъ онъ вдругъ на лѣво,
»Я за нимъ—и вижу—дѣва,
»Пречудесной красоты,
»Смотритъ внизъ и, съ высоты,
»Манитъ насъ къ себѣ рукой.
»Мы подходимъ, и рѣкой
»Слёзы льютъ у ней изъ глазъ,
»Какъ завидѣла, лишь, насъ.
»Царь, какъ словно, осердчалъ,
»И народу закричалъ:
»Знайте всѣ, что дочь мою
»Я Ивану отдаю,
»Съ нею васъ и всѣ чертоги.
»Кланяйтесь ему всѣ въ ноги!

»Всѣ вскричали, всѣ смутились,
»Ко мнѣ въ ноги повалились;
»Бой раздался барабана,
»Вездѣ славили Ивана.
»Въ пушки страшно запалили,
»Колкола всѣ зазвонили;

»Пѣсни съ музыкой раздались,
»Мы съ невѣстой цѣловались.
»Принесли мнѣ тутъ нарядъ,
»Посадили съ нею въ рядъ.
»Царь глядитъ, не наглядится,
»Какъ народъ весь веселится.
»И для сватьбы своей дочки
»Съ мёдомъ выкатилъ всѣ бочки.
»Тутъ пошло раздолье—пиръ,
»Что на весь крещёный міръ.

»Вотъ смотрю:—самъ царь подноситъ—
»Сладкій мёдъ мнѣ—выпить проситъ;
»Я за чару ухватился,
»Ему низко поклонился,
»Только пить её хотѣлъ,
»Такъ тутъ, вдругъ, и обомлѣлъ.
»Прихлебнулъ одинъ глотокъ,
»Словно въ чашѣ кипятокъ,
»И дворецъ изъ глазъ пропалъ,
»Чуть я съ печи не упалъ.
»А все васька-котъ проклятой,
»Онъ залѣзъ ко мнѣ въ роть лапой,

»И деретъ языкъ когтями;
»А мнѣ спится: пью съ гостями
»Сладкій мёдъ. Вѣдь экой скотъ!
»Знать я спалъ розиня ротъ.
»Тутъ въ минуту я проснулся,
»Взадъ и впередъ оглянулся,
»Что за чудо!—Гдѣ-жъ дворецъ?
»И царь батюшка-отецъ?
»Нѣтъ ни солнца, нѣтъ ни свѣчки,
»Я лежу въ избѣ на печкѣ.
»Вотъ и все!«—сказалъ тутъ онъ,
»Вотъ какой я видѣлъ сонъ.«
—»Ну.« Сказалъ ему отецъ,
»Да какой ты молодецъ!
»Былъ на небѣ во дворцѣ,
»Чай забылъ и объ отцѣ.
»Шутка, дѣти, вылезайте,
»Да и спать пора, ступайте;
»Только ночью-то смотрите,
»Такъ, какъ братъ вашъ, не скачите,
»Берегите-ка бока,
»А то печь-то высока.«

Шесть недѣль тому спустя,
Старецъ весь изсохъ грустя.
Онъ не ѣлъ, не спалъ ночей.
Дикъ былъ взоръ его очей.
Такъ, какъ тѣнь, чуть-чуть блуждалъ
И спокойно смерти ждалъ.
Вотъ въ четвергъ седьмой недѣли,
Только дѣти встать успѣли,
Едва, только, день начался,
А отецъ ужъ ихъ скончался.
Погрустили, поглядѣли,
Потомъ саваномъ одѣли,
И, какъ водится, обрядомъ,
Положили тѣло рядомъ
Съ упокойною роднёй,
И засыпали землёй.
Вотъ, какъ слѣдуетъ, съ кладбища
Въ домъ прилезла вся родница.
Всѣ платками утирались,
И обѣда дожидались.
Всѣ покойника хвалили,
Какъ на сватьбѣ ѣли, пили,
Словно три дни голодали

И порядкомъ подгуляли.
Какъ припили все, да съѣли,
Другъ на друга посмотрѣли,
Взяли шапки, поклонились,
По домамъ всѣ потащились.
Сыты шли, едва шагали,
И покойника ругали,
Что-де много денегъ нажилъ,
Да ихъ грошемъ не уважилъ.

На другой день, утромъ рано,
Братья выгнали Ивана.
Какъ не плакался несчастный,
Слёзы, просьбы—все напрасно;
Его слушать не хотѣли,
Тотчасъ вонъ идти велѣли.
Вотъ Иванъ совсѣмъ собрался,
Перкрестился, распрощался,
И у самаго порога,
Сталъ задумавшись немного.
Хотѣлъ братьевъ умолить,
Чтобы съ ними вмѣстѣ жить.
Тутъ они ужъ осердчали,

Въ одинъ голосъ закричали:
»Не хотимъ мы жить съ болваномъ,
»Съ дуракомъ нашимъ Иваномъ;
»Вонъ сей-часъ!« Не сталъ онъ боле
Ихъ просить и вышелъ въ поле;
Взявши хлѣбъ съ собой, верёвку,
Свою старую поддёвку,
Заткнулъ за поясъ топоръ
И побрёлъ въ ущелье горъ,
Чрезъ родительскій погостъ.
Какъ Иванъ нашъ не былъ простъ,
Но онъ чтилъ отца и мать;
Сталъ то время вспоминать,
Какъ онъ жилъ при нихъ покойно,
И заплакалъ тутъ невольно.

Подошедши къ той могилѣ,
Гдѣ они зарыты были,
Со всѣхъ ногъ, единымъ махомъ,
Растянулся надъ ихъ прахомъ.
Крѣпко землю обхватилъ,
Зарыдалъ и завопилъ:
»Ой, отецъ, Ѳома Ѳаддеевъ!

»Зачѣмъ братьевъ ты, злодѣевъ,
»Мнѣ оставилъ на мученье,
»Брань сносить и огорченье.
»Ой, отецъ родимый мой!
»Что не взялъ меня съ собой?
»Охъ ты, матушка Ѳедора!
»Рѣчь твоя сбылася скоро,
»Я безъ хижины, безъ хлѣба,
»Подъ однимъ покровомъ неба.
»Распростился съ хатой нашей
»И умру теперь на вашей,
»На сырой землѣ могилы,
»Вы одни мнѣ только милы.«

Долго плакалъ, крѣпко бился,
Наконецъ онъ утомился,
Не вставая съ той могилы;
Ослабѣли его силы;
Тихо охая, рыдалъ
Онъ, зѣвнулъ и задремалъ.
Время шло, Иванъ нашъ спалъ,
Вотъ и полдень ужъ насталъ.
Видитъ онъ предъ нимъ стоятъ —

Мать съ отцомъ и говорятъ:
»Не кручинься другъ любезный,
»Ты уйми потокъ свой слезный,
»Не тоскуй и не рыдай,
»Скоро, вмѣсто муки, рай,
»Ты получишь въ утѣшенье.
»Ну, прощай. Имѣй терпѣнье.«

Съ этимъ словомъ все пропало
И родителей не стало.
Тутъ Иванъ протёръ глаза,
Никого нѣтъ, лишь коза,
Черезъ три могилы ходитъ.
Онъ окрестъ глазами водитъ,
И насилу убѣдился,
Что отъ сна онъ пробудился.
Тутъ на камушкѣ присѣвъ
И ломотикъ хлѣбца съѣвъ,
Онъ порядкомъ подкрѣпился,
У ручья воды напился.
Хоть Иванъ не торопился,
Но, однако, спохватился,
Что вѣдь надо какъ нибудь —

Продолжать начатый путь.
По большой горѣ, отлогой,
Онъ пошелъ своей дорогой.
Подкрѣпившись, на легкѣ
Онъ пришелъ къ большой рѣкѣ.
Слѣва горы, справа лѣсъ,
Чуть былъ видѣнъ клокъ небесъ.
Тутъ Иванъ остановился,
Умъ за разумъ закатился;
Онъ не зналъ на что рѣшиться,
Идти въ горы, иль пуститься
Ему въ страшный черный боръ?
Но какъ вышелъ онъ, съ тѣхъ поръ,
Много время протекло,
Солнце вовсе не пекло,
На закатѣ чуть свѣтило
И лишь воды золотило.

Вечеръ тёмный ужъ насталъ,
Путникъ, крѣпко, нашъ усталъ;
Измѣнили ему ноги;
Не видать стало дороги.
Онъ зашелъ гдѣ не бывалъ,

Но Иванъ не унывалъ.
Развязавъ кушакъ-верёвку,
Разостлалъ свою поддёвку;
Сунулъ въ головы мѣшочекъ,
Хлѣбца съѣлъ еще кусочекъ,
И подъ деревомъ вѣтвистымъ
Захрапѣлъ сномъ богатырскимъ,
Спавши словно по заказу,
Не проснулся въ ночь ни разу.
И какъ бѣлый день насталъ,
Нашъ дуракъ съ постели всталъ.
Поглядѣвъ на горы, лѣсъ,
На высоку сосну влезъ,
Чтобы лучше осмотрѣть
Куда путь ему имѣть.
Укрѣпивъ на сучьяхъ ноги,
Сталъ высматривать дороги.
Но нигдѣ слѣдовъ не видно,
И ему стало обидно,
Что напрасно онъ трудился
Лезть на сосну и рѣшился
Лучше въ лѣсъ свернуть направо,
(Въ горахъ хуже переправа).

Каковъ лѣсъ частъ ни наесть,
Все же можно въ немъ пролезть;
Чѣмъ пуститься по горамъ,
По утёсамъ и камнямъ.

Умный сталъ бы думать много,
Дураку жъ вездѣ дорога.
Словно какъ въ знакому дачу,
Въ лѣсъ пошелъ онъ наудачу.
Спавши ночь ему легко,
А теперь ужъ, далеко,
Время за полночь бѣжитъ,
И перо мое дрожитъ,
И рука едва лишь ходитъ,
Такъ меня ко сну и клонитъ.
Всѣ объяты сладкимъ сномъ,
Сладко всѣ храпятъ кругомъ.
Такъ позвольте жъ мнѣ прилечь,
Завтра поведу я рѣчь,
Безъ умолку, цѣлый день,
А теперь усталъ и лѣнь....
Пусть дуракъ себѣ идетъ,
Сказка двинется впередъ;

Да по трудному пути
Гдѣ жъ ему отъ насъ уйти.
Не взыщите на мнѣ строго,
Дайте, лишь, вздохнуть не много;
Дайте съ силами собраться,
Чтобъ предъ вами оправдаться.
Сказка съ слѣдующей главы
Любопытнѣй будетъ. Вы
Въ этомъ сами убѣдитесь,
Только слушать не лѣнитесь.
Сонъ! О, чудное влеченье!
Силъ усталыхъ облегченье,
Брежу я.... вы не внимайте.
Свѣча гаснетъ.... ну, прощайте!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Какъ въ деревнѣ у старушки,
Въ ветхой, низенькой избушкѣ,
На растворенномъ окошкѣ,
Двѣ сидятъ каки-то мошки;
Изъясняются въ любви
Такъ, что жаръ течётъ въ крови!
А на полкѣ, надъ старухой,
Сидитъ муха передъ мухой,
Очи ихъ горятъ огнёмъ
И амурятся вдвоёмъ.
»Ахти! это не къ добру,
»Знать я грѣшная помру....«
Хуже сдѣлалось съ старухой,
Не смотрѣть бы ей за мухой;

Наглядѣвшись, искусилась,
Во сто лѣтъ почти влюбилась.

Ну-да, полно-же болтать,
Пора сказочку начать.
Какъ на рынкѣ, на базарѣ,
По одёжѣ, точно баре,
Блины съ лукомъ утираютъ;
Сами пристально внимаютъ,
Какъ отецъ ругаетъ дочь:
»Зачѣмъ ты не спишь всю ночь?
»Я тебя все поджидаю,
»Глаза съ глазомъ не смыкаю,
»Отъ зари, да до зари....
»Что-жъ молчишь ты? — Говори!«
Тутъ дѣвица покраснѣла
И сказать едва съумѣла:
»Мнѣ все, батюшка, не спится,
»Сонъ такой все страшный снится....
»Какъ ни лягу, все мнѣ душно,
»А не спится, такъ и скучно.
»Я пойду въ садъ, погуляю,
»Средь цвѣтовъ и засыпаю....«

—»Хорошо!« отецъ сказалъ,
Улыбнулся, замолчалъ.
Вотъ поутру, чуть—лишь—свѣтъ,
Хвать! анъ дочери ужъ нѣтъ.
И отецъ тутъ разбѣсился;
Въ слѣдъ за дочерью пустился;
Садъ кругомъ весь обѣгастъ,
Никого въ немъ не встрѣчаетъ.
Онъ изъ сада, да на прудъ,
Глядь! анъ, дочь его, какъ-тутъ!
Межъ цвѣтовъ лежитъ она,
Да, ужъ только, не одна...

Вотъ идетъ, Иванъ нашъ лѣсомъ,
Словно обойденный бѣсомъ.
Не найдетъ нигдѣ тропинки,
Нѣтъ нигдѣ живой былинки.
Такъ былъ частъ и мраченъ лѣсъ,
Заслонивши сводъ небесъ.
Третій день уже пошелъ,
А дуракъ вёрстъ пять прошелъ.
Какъ ни силится, ни бьётся,
Чуть съ трудомъ онъ проберётся

Сквозь орѣшникъ и кусты,
Разгребая прочь листы,
Глядитъ — новая преграда;
Вотъ мученье, хуже ада!
Хлѣба мало и воды,
Онъ не зналъ такой бѣды.
Отощалъ дуракъ и радъ,
Хоть вернуться бы назадъ.
Заблудившися давно,
Ему было все равно:
Что впередъ, иль взадъ идти,
Трудно выхода найдти.
Двое сутокъ мало ѣвши,
Онъ задумался, присѣвши,
Подъ тѣнистыми вѣтвями,
И всплеснувши тутъ руками,
Началъ плакать, горевать,
Собираясь умирать.
Вдругъ, шагахъ въ пяти, не боле,
Зашумѣло—по неволѣ—
Нашъ Иванъ приободрился,
За топоръ свой ухватился.

Ожидая лота звѣря
И глазамъ своимъ не вѣря,
Видитъ—передъ нимъ лисица
Длинохвоста, кругломица;
Знать безъ отдыха бѣжала,
И отъ страха вся дрожала;
Чуть-чуть духъ переводя,
На Ивана поглядя,
Она жалко завопила:
»Ты, Иванушка, другъ милый!
»Не покинь меня въ бѣдѣ,
»Заслужу сама тебѣ.
»Защити меня теперь,
»Меня гонитъ страшный звѣрь;
»Я боюсь его до страсти,
»Растерзаетъ онъ на части.
»Цѣлый часъ за мной все рыщетъ
»И моей онъ смерти ищетъ.
»Заступись, голубчикъ мой!
»Самъ доволенъ будешь мной.
»Крѣпко стой и не робѣй,
»Что есть силы его бей.
»Или панъ, или пропалъ....

»Когда бъ ты его сломалъ!
—»Не кручинься, успокойся,
»Ничего со мной не бойся.
»Я спасу тебя отъ смерти;
»Хоть бы въ немъ сидѣли черти,
»И тогда его не струшу,
»Размозжу въ немъ адску душу.
»Иди, спрячься за меня,
»Ужъ не выдамъ я тебя.

Вотъ, вдругъ, слышитъ нашъ Иванъ,
Будто страшный ураганъ,
Съ трескомъ по лѣсу несётся,
Гулъ идетъ, земля трясётся.
Наконецъ раздался ревъ
И предъ нимъ явился левъ.
Грозенъ, дикъ и неуклюжъ,
Но великъ и очень дюжъ.
Тяжко дышетъ, пѣна клубомъ;
Поровнявшись съ старымъ дубомъ,
Разсердился, лапой треснулъ,
Дубъ затрёсся и надтреснулъ.
Оглядясь потомъ кругомъ,

Познакомился съ врагомъ,
И пошелъ къ нему на встрѣчу,
Начинать смертельну сѣчу.
Страшно смотритъ на Ивана.
Пѣна, съ кровью, въ два фонтана,
Изъ чудовищныхъ ноздрей,
Бьётъ и взглядъ его очей,
Словно уголь пламенѣетъ,
Левъ реветъ и свирѣпѣетъ,
На врага стрѣлой летитъ,
Растерзать его грозитъ;
Вдругъ за корень зацѣпился
И на землю повалился.
Нашъ дуракъ хочь не былъ ловокъ,
Но ударъ его не лёгокъ.
Обухомъ, что было силъ,
Льва на мѣстѣ оглушилъ,
Въ мигъ ударъ онъ повторилъ,
Черепъ звѣрю раскроилъ.
Кровь рѣкою полилася,
Твердь земная потряслася.
Страшный левъ ревѣлъ, какъ бѣсъ,
Оглушая стономъ лѣсъ.

Птицы въ гнѣздахъ притаились,
Звѣри въ норы всѣ забились,
Рыбы прятались на днѣ.
Только змѣи лишь одни
На вершинахъ увивались,
На вѣтвяхъ дубовъ качались.

Левъ со смертію боролся,
(Знать ударъ тяжелъ пришелся);
Онъ стоналъ, о землю бился,
Напослѣдокъ силъ лишился.
Передъ смертію за часъ,
Когда взоръ очей погасъ,
Кровь не стала боле течь,
Онъ повелъ къ Ивану рѣчь:
»О, диковинной храбрецъ!
»Ты мой врагъ, но молодецъ!
»Ты одинъ не устрашился,
»Ты одинъ со мной сразился,
»И по счастью, иль по силѣ,
»Ты взялъ верхъ, а я въ могилѣ
»Лягу скоро, чуть дышу,
»Но предъ смертью поспѣшу

»Тебѣ тайну разсказать,
»Съ просьбой, чтобы наказать,
»Сколь возможно, тѣхъ враговъ;
»Но скажи, кто ты таковъ?
— »Я? я, просто, сынъ былъ бачки,
»Не давалъ онъ мнѣ потачки;
»Я предъ нимъ не огрызался,
»Онъ Ѳомою назывался.
»Мать моя звалась Ѳедора,
»Померла она тутъ скоро.
»А за нею наконецъ
»Вскорѣ пòмеръ и отецъ —
»Бачка мой, Ѳома Ѳаддеевъ.
»Да, на горе, лиходѣевъ,
»Мнѣ оставилъ моихъ братьевъ,
»Меня выгнали безъ платьевъ,
»Не велѣли и вертаться,
»Мнѣ нельзя жъ съ ними тягаться;
»Взялъ краюшку, да топоръ
»И пошолъ себѣ межъ горъ;
»Такъ вотъ видишь кто таковъ —
»Я Иванъ изъ дураковъ.«

Левъ, въ раскаяньи глубокомъ,
Лёгъ на землю правымъ бокомъ;
Ноги задни протянулъ,
А передни подогнулъ
И съ горячими слезами,
Поведя вокругъ глазами,
На Ивана устремилъ,
И плачевно завопилъ:
»Ой, ты молодецъ удалый!
»Право, ты чудесный малый.
»Уважая твою храбрость,
»Я забуду эту наглость.
»Пусть, чрезъ нѣсколько минутъ,
»Всѣ увидятъ трупъ мой тутъ;
»Мнѣ ужъ больше нѣтъ спасенья,
»Я прошу у всѣхъ прощенье.
»Всѣхъ я мучилъ безъ изъятья,
»Мнѣ осталось лишь проклятье.
»Я, лишь, кровью упивался,
»Слабой жертвой потѣшался;
»Адскимъ чувствамъ въ угожденье,
»Я искалъ, лишь, наслажденье

»Въ мукахъ, смерти всѣхъ несчастныхъ,
»Жертвъ невинныхъ, мнѣ подвластныхъ.«

Тутъ звѣрь лютый замолчалъ,
Головою покачалъ,
Её поднялъ, тяжко охнулъ,
И, опять, на землю грохнулъ.
Слёзы горькія утёръ,
Ноги въ крѣпкій пень упёръ,
За дубъ лапами схватился,
И къ Ивану обратился.
»Ну, послушай, молодецъ,
»Вотъ ужъ близокъ мой конецъ,
»Надо съ жизнью разставаться,
»И мнѣ хочется, признаться,
»Разсказать тебѣ секретъ.
»Вотъ ужъ триста тому лѣтъ,
»Я былъ бравый молодецъ,
»Царскій сынъ и мой отецъ,
»Насъ любилъ съ сестрою нѣжно,
»Занятъ нами былъ прилѣжно,
»Все бывало насъ балуетъ,
»И цѣлуетъ и милуетъ,

»И по истинѣ сказать,
»Замѣнялъ покойну мать.
»Но, къ несчастью, онъ прельстился
»Злой царевной и женился.
»Тутъ не долго царствомъ правилъ,
»Померъ и все мнѣ оставилъ.
»Онъ всему меня училъ
»И предъ смертію вручилъ—
»Мечъ могучій—самосѣкъ.
»Онъ искалъ его весь вѣкъ,
»И нашелъ вотъ наконецъ.
»Береги жъ, сказалъ отецъ,
»Никому не отдавай,
»Спать ложась, не скидавай.
»Пусть съ тобой онъ неразлученъ,
»Онъ тебѣ не будетъ скученъ,
»Все предъ нимъ ложится прахомъ,
»Нужно гдѣ, единымъ махомъ,
»Сто головъ онъ сниметъ съ плечъ,
»Этотъ богатырскій мечъ.

»Вотъ по смерти отца правилъ
»Я всѣмъ царствомъ, но не ладилъ

»Съ нашей мачихой, злодѣйкой,
»Злой, коварной лиходѣйкой.
»Она зло все замышляла,
»Нашей гибели искала,
»Все дала бъ, что ни наесть,
»Чтобы только насъ известь,
»Всѣ богатства наши взять,
»И народомъ управлять.
»Ночи въ черныхъ книгахъ рылась,
»И грозила и сердилась.
»Долго по свѣту бродила,
»Но нигдѣ не находила,
»Ни въ моряхъ, ни въ подземельяхъ,
»Ни въ лѣсахъ, ни въ разныхъ зельяхъ,
»Того средства, чѣмъ бы ей
»Извести насъ поскорѣй.
»Силой взять она бъ хотѣла,
»Но меча боясь, не смѣла.
»Вотъ однажды распрощалась,
»За сто тысячь верстъ умчалась.
»Десять лѣтъ ужъ пролетѣли,
»Объ ней вѣсти не имѣли.

»На двѣнадцатомъ году,
»Я гулялъ съ сестрой въ саду,
»Вдругъ мы видимъ въ колесницѣ,
»На подобье рѣзвой птицы,
»Въ бѣломъ платьѣ, какъ индѣйка,
»Мчится мачиха злодѣйка.
»Мы ни мало удивились,
»Только лишь остановились,
»Глядь! она ужъ передъ нами,
»Съ распростертыми руками;
»Крѣпко къ сердцу насъ прижала
»И слезами обливала;
»Умоляла о прощеньи
»Въ своемъ прежнемъ поведеньи.
»Всѣмъ, чѣмъ можно, увѣряла,
»Даже жизнью заклинала,
»Что она переродилась,
»Въ своихъ чувствахъ измѣнилась,
»И покаялась во всемъ
»Прегрѣшеніи своемъ.
»Мы рѣшились все забыть
»И какъ мать её любить.
»Цѣлый годъ мы жили дружно,

»Лучше матери не нужно,
»И добра и простодушна,
»И внимательна, послушна,
»И любезна и мила
»Наша мачиха была.
»Тутъ все царство удивлялось,
»Что такое съ нею сталось?
»Такъ себя перемѣнила.
»Между тѣмъ въ душѣ таила
»Зло великое она,
»Проклятая сатана.

»Десять лѣтъ въ отъѣздѣ бывши,
»Злое зелiе добывши,
»Къ намъ опять она вернулась
»И ягненкомъ обернулась;
»Чтобъ задуманное зло,
»Совершившись, не могло
»На неё павлечь презрѣнье,
»И народа подозрѣнье.

»Вотъ она въ странѣ далёкой,
»Между горъ, во тьмѣ глубокой,

»Вѣдьму-бабу отыскала,
»Упросила, приласкала;
»Всѣ богатства обѣщала,
»Всѣмъ, чѣмъ можно, лишь прельщала,
»Чтобъ она ей услужила,
»И, коль можно, одолжила
»Что-нибудь, чтобъ насъ известь
»И самой на царство сѣсть.
»Тутъ колдунья искусилась,
»Обѣщаніемъ прельстилась,
»И помчалась по горамъ,
»По лѣсамъ и по долам.
»Пять ночей она летала,
»На шестую же достала
»Злой какой-то корешокъ,
»Изсушила въ порошокъ,
»И, просѣявши, сквозь сито,
»Пошептала въ немъ сердито,
»Нашей мачихѣ вручила.
»Отдавая научила,
»Какъ его употребить,
»Чтобъ скорѣй насъ погубить.

»Вотъ однажды въ жаркій день,
»Проситъ насъ она подъ тѣнь,
»Въ ближню рощу погулять,
«Ягодъ тамъ, цвѣтовъ порвать.
»Мы на просьбу согласились,
»Тотчасъ съ нею и пустились.
»Хоть тотъ лѣсъ недалеко,
»Но день жаркій, высоко
»Солнце по небу катило
»И ужасно, какъ, палило.
»Походивши мы устали,
»И отъ мачихи отстали;
»Идти дальше не хотѣли,
»На травѣ съ сестрой присѣли.
»Ждемъ её.—Ужъ часъ проходитъ;
»Наконецъ она приходитъ,
»И съ восторгомъ говоритъ:
»Ну, какой тутъ ключъ бѣжитъ!
»Я не знала никогда,
»Что такая въ нёмъ вода.
»Что за вкусъ, что за прохлада,
»Лучше требовать не надо.
»Пьёшь её, какъ сладкій мёдъ,

»Прехолодный, будто лёдъ.
»Я сей-часъ ея напилась,
»Снова въ силахъ укрѣпилась,
»И готова, хоть опять,
»Исходить еще верстъ пять.
»Мы разсказу удивились,
»Жаждой сильною томились,
»Не могли её сносить,
»Стали мачиху просить,
»Чтобъ она насъ проводила,
»Куда пить сама ходила.

»Съ полверсты пройдя не болѣ,
»Мы завидѣли оттолѣ,
»На лужайкѣ, подъ горой,
»Какъ хрусталь, сіялъ порой,
»Разноцвѣтно переливался,
»Будто змѣйкой извивался
»Межъ цвѣтовъ и между кучь
»Пестрыхъ камней, свѣтлый ключь.
»Мы съ сестрою подлетѣли,
»Только, лишь, хлебнуть успѣли,
»Какъ я львомъ вдругъ обернулся;

»Мечь упалъ, я оглянулся,
»Чтобъ увидѣть, гдѣ сестрица.
»Ее нѣтъ.... Одна лисица,
»Увидавъ меня, струхнула,
»И стрѣлою въ лѣсъ порхнула.
»Тутъ узналъ я лиходѣйство
»Нашей мачихи злодѣйство.
»Сильнымъ гнѣвомъ воскипѣлъ,
»Растерзать её хотѣлъ;
»Но злодѣйка поняла,
»Мечь проворно подняла
»И взмахнувъ его рукой,
»Твердо стала предо мной.

»Я отъ злости весь дрожалъ,
»Страшнымъ голосомъ заржалъ;
»Заревѣлъ, помчался въ лѣсъ,
»Черезъ горы перелезъ.
»Все ломалъ и все крушилъ,
»Сколько жертвъ тутъ подушилъ!
»А она мечемъ качала
»И во слѣдъ, смѣясь, кричала:
»Что ты струсилъ?—Не робѣй!

»Воротись ко мнѣ, злодѣй.
»Ты героемъ назывался,
»Что-же бабы испугался?
»Говоря мечемъ махала
»И, какъ вѣдьма, хохотала.
»Такъ она меня поддѣла
»И всѣмъ царствомъ завладѣла.«

Иванъ плакалъ и грустилъ,
Слезы горьки распустилъ,
Хлѣбца корочку доѣлъ,
Къ звѣрю страшному подсѣлъ
И повелъ къ нему тутъ рѣчь:
»Гдѣ жъ, теперя, этотъ мечь?
—»Онъ далеко, въ подземельи,
»Отданъ мачихой за зелье
»Той колдуньѣ—она скрыла,
»Въ преисподнюю зарыла.
»Я одинъ объ этомъ знаю
»И, голубчикъ, умоляю—
»Услужи мнѣ, другъ сердечный,
»Самъ тебѣ слуга я вѣчный.
»Теперь плакать перестань,

»Дѣло вотъ въ чемъ: ты достань
»Старый мечь мой самосѣкъ,
»Не забуду тебя въ вѣкъ.
—»Мечь достать.... Да гдѣ и какъ?«
Льва спросилъ опять дуракъ.
—»А вотъ видишь, мой удалый,
»Мой отважный, храбрый малый!
»Тебѣ, можетъ быть, удастся,
»Къ злой колдуньѣ, той, прокрасться,
»И заставить её силой
»Возвратить, тотъ, мечь мой милый.
»Снять съ меня звѣрину шкуру,
»Припугнуть ехидну дуру,
»Чтобъ живой воды достала,
»Мнѣ сестрицу отыскала.
»Насъ водицею поли́ла
»И, какъ прежде, оживила.
»Мы тогда поѣдемъ въ царство,
»Въ наше прежне государство,
»Зло откроемъ всему свѣту,
»И накажемъ больно эту
»Вѣдьму, злую лиходѣйку,
»Нашу мачиху, злодѣйку.

»Ты со мною породнись,
»На сестрѣ моей женись,
»Посажу тогда тебя
»Царствомъ править за себя;
»Самъ же буду утѣшаться,
»На васъ глядя, любоваться,
»Что достойный человѣкъ
»Мечь мой носитъ самосѣкъ.
»Будемъ жить, да наслаждаться,
»Будемъ братьями мы зваться.
»А? что скажешь, мой Ванюша?

Ротъ разинувъ дуракъ слушалъ;
Свой затылокъ почесалъ,
Улыбнулся и сказалъ,
Призадумавшися: »ладно!
»Только не было бъ накладно
»Съ вѣдьмой споры завести;
»Онѣ, Господи прости,
»Съ сатаною самимъ въ дружбѣ,
»У нихъ черти всѣ на службѣ,
»Разомъ голову сломаютъ;
»Вѣдь не даромъ объ нихъ баютъ....

—»Полно трусить, какъ не стыдно,
»Даже слушать мнѣ обидно,
»Чтобъ такой, какъ ты, герой,
»Дорожилъ такъ головой.
»Эта жъ вѣдьма, кто вѣдь знаетъ,
»Тебя, можетъ быть, поймаетъ,
»И накажетъ очень грозно,
»Да тогда ужъ будетъ поздно.
»Лучше жъ самъ иди ты къ ней,
»Накажи, или убей.
—»Страшно.« Тутъ сказалъ Иванъ.
—»Ну, такъ просто, ты болванъ,
»Коли вѣдьмы бабы трусишь.
»Близокъ локоть—не укусишь.
»Самъ же послѣ жалѣть будешь,
»Коль меча ты не добудешь.
»Знать царемъ не хочешь быть,
»Лучше по лѣсу ходить,
»Голодъ, нужду, все терпѣть
»И безъ хлѣба умереть.
»Убирайся жъ трусъ дрянной,
»Говорить больше съ тобой
»Не хочу. Ступай теперь.«

Замолчалъ тутъ лютый звѣрь;
Огорчился онъ, надулся,
Отъ Ивана отвернулся.

Вотъ дуракъ, какъ въ землю вросъ,
Ротъ разинулъ, утёръ носъ,
Головою покачалъ,
»Лёвушка!« вдругъ закричалъ,
»На меня ты не сердись,
»Я согласенъ.—Обернись,
»Поведи со мною рѣчь,
»Гдѣ находится твой мечъ;
»Разскажи мнѣ какъ пройдти,
»И гдѣ вѣдьму мнѣ найдти?
»Какъ по имени зовется?
»Можетъ быть, мнѣ съ ней придется
»Говорить, идти къ ней въ домъ,
»А я съ нею не знакомъ.
»О, проклятая!... постой!....
«Я раздѣлаюсь съ тобой,
»Злая, чертова подруга,
»Расплачусь съ тобой за друга!«
Расходился тутъ дуракъ.

—»Вотъ давно-бы тебѣ такъ.«
Левъ Ивану отвѣчалъ;
»Поклянись!« онъ закричалъ,
»Что исполнишь службу вѣрно,
»А измѣнишь будетъ скверно.
—»Вотъ-те мать сыра земля,
»Пусть дуракъ не буду я,
»Пусть вороны всѣ, какъ хочутъ,
»Надо мной тогда хохочутъ,
»Если вѣдьмы я сробѣю,
»Съ ней подраться не посмѣю!
»Пускай нынче....«— »Ну, довольно,
»Теперь вѣрю я невольно,
«Что ты тотъ же молодецъ,
«Тотъ герой.... да, наконецъ,
»Почему не попытаться,
»Съ злою вѣдьмой потягаться;
»Ты за то царемъ, вѣдь, будешь,
»Если только мечь добудешь.
»Ну, Ванюша, подойди же,
»Сядь ко мнѣ теперь поближе.
»Спрячь свой хлѣбъ и послѣ кушай,
»А теперь меня послушай.

»Посмотри, вонъ видишь, влѣво,
»Выше всѣхъ стоятъ два древа.
»Ты на нихъ теперь иди,
»Тамъ увидишь, впереди,
»Подъ горой, не такъ далёко,
»Стоитъ озеро широко;
»А вокругъ его нѣтъ ходу,
»И плыть надо черезъ воду.
»Тамъ рыбакъ есть старичёкъ,
»Держитъ свой онъ челночёкъ;
»Тебѣ надо, какъ нибудь,
»Старичишку обмануть,
»Сѣсть въ его челнокъ смѣлѣй,
»Улепётывать скорѣй;
»И вотъ такъ, Иванъ, безъ денегъ,
»Переѣдешь на тотъ берегъ.
»Тутъ ты выдешь на равнину,
»На медвѣжью долину,
»Да смотри, братъ, не робѣй;
»А самъ все держи правѣй.
»Торопись скорѣе въ лѣсъ
»И ступай на перерѣзъ.
»Дологъ будетъ этотъ путь,

»Но ужъ надо, какъ нибудь,
»Всѣми силами стараться,
»До конца его добраться.
»Какъ пройдешь ты этотъ боръ,
»На краю у самыхъ горъ,
»Подъ нависшею скалой,
»Надъ широкою рѣкой,
»Эта вѣдьма проживаетъ,
»Всяку полночь разъѣзжаетъ,
»Въ своей ступѣ, по волнамъ,
»По утёсамъ и горамъ.
»Такъ какъ бѣшеная рыщетъ,
»То хохочетъ, то засвищетъ;
»Все чего-то она ищетъ.
»Зло у ней всегда въ примѣтѣ;
»Ночь прошлявшись, на разсвѣтѣ,
»Какъ пѣтухъ, лишь, пропоётъ,
»То она домой идётъ,
»И забившись въ подземелье,
»Всѣ раскладываетъ зелья,
»И когда наворожится,
»Ровно въ полдень, спать ложится.
»Ты ужъ такъ и пригоняй,

»Въ эту пору къ ней ступай;
»Она часъ одинъ спитъ крѣпко.
»Ты подкравшись къ вѣдьмѣ, мѣтко
»Ухватись за кòсу ей,
»Что есть мочи, посильнѣй.
»Что не будетъ она дѣлать,
»Грызться, рваться или бѣгать,
»По горамъ тебя возить,
»Или смертію грозить,
»Ничего тогда не бойся,
»Совершенно успокойся,
»И до утренней росы,
»Не пускай изъ рукъ косы.
»Тутъ она поутомится,
»Можетъ, доброй притворится,
»Станетъ плакать и просить,
»Чтобы косу ей пустить,
»Но ты этого не дѣлай.
»Между тѣмъ отъ ней развѣдай,
»Все, что мнѣ ты обѣщаешь,
»И какъ только разузнаешь,
»Какъ минётъ, лишь, только ночь,
»То отрѣжь ей косу прочь.

»Съ ней она всего лишится,
»И сквозь землю провалится.

»Отдохнувши тутъ немного,
»Повидньй станетъ дорога,
»Вмѣстѣ съ солнечнымъ лучемъ,
»Отправляйся за мечемъ.
»Такъ сказать тебѣ примѣрно,
»Я надѣюся навѣрно,
»Что къ десятому ты году,
»Все добудешь мечь и воду,
»И вернешься ужъ назадъ.
»О, какъ буду тебѣ радъ!
—»Черезъ десять лѣтъ, не ближе?
»Ну, голубчикъ мой, не вриже,
»Да я десять разъ весь свѣтъ
»Обѣгу во столько лѣтъ.«
Отвѣчалъ дуракъ такъ звѣрю.
—»Нѣтъ, мой другъ, я не повѣрю;
»Ты со свѣтомъ не знакомъ
»И не знаешь толку въ нёмъ.
»Ну, пора.. Прощай, дружище!
»Приготовь же мнѣ жилище

»Вотъ подъ этимъ старымъ пнёмъ,
»Да и нынѣшнимъ же днёмъ,
»Отправляйся въ дальній путь,
»Да меня-то не забудь.«
Съ этимъ словомъ смолкнулъ левъ,
Чуть замѣтный, слабый ревъ,
Какъ предсмертный тихій стонъ,
Вылеталъ изъ груди вонъ.
Нашъ дуракъ тутъ прослезился,
Смертью друга огорчился,
И срубивъ изъ сучьевъ вилу,
Раскопалъ ему могилу.
Положилъ его, засыпалъ,
Много кольевъ въ ней натыкалъ,
Чтобъ удобнѣе найдти
На обратномъ томъ пути.
Не притворствуя нисколько,
Надо львомъ онъ плакалъ горько.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Что за притча? что за вещь?
Завладѣлъ всѣмъ моремъ лещь.
По водѣ морской гуляетъ,
Головою чуть киваетъ;
Надо всѣми онъ хохочетъ,
Ничего и знать не хочетъ.
Съ мелкихъ рыбъ оброкъ деретъ,
А самъ пѣсенки поётъ.
Никто спорить съ нимъ не смѣетъ,
Съ каждымъ днемъ онъ богатѣетъ.
»Что дивиться? Эка штука!«
Разсказала рыбамъ щука,
Вся отъ страха трепеща,
Про богатаго леща.

»Онъ въ родствѣ съ большой акулой,
»Всѣмъ извѣстной, страшной дурой,
»Принятъ близко въ ихъ быту,
»А она кума киту.«

Много есть чудесъ на свѣтѣ:
У звѣрей разъ, въ ихъ совѣтѣ,
Поступило дѣло волка
Съ челобитной на телёнка.
Волкъ телёнка ненавидѣлъ
И твердилъ, что тотъ обидѣлъ.
Ёжъ совѣтомъ управлялъ
И умомъ всѣхъ удивлялъ.
Поглядѣвъ, прищуря глазомъ,
Порѣшилъ судьбу ихъ разомъ:
Онъ велѣлъ имъ поравняться,
Тотчасъ шкурами смѣняться.

Какъ горюетъ барска дочь,
Горько плачетъ день и ночь,
Что судьбу Богъ не даетъ,
Ей двадцатый годъ идётъ.
Вотъ ей очередь пришла,

Жениха себѣ нашла.
Какъ замужню жизнь спознала,
Еще больше плакать стала.
Трудно знать, не отгадаешь,
Гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Такъ Иванъ нашъ погрустилъ,
Друга въ землю опустилъ,
И къ лисицѣ обернулся,
Хотѣлъ молвить—запнулся;
Но лисица предъ нимъ пала
На колѣни и рыдала,
Такъ его благодарила,
Такъ съ нимъ сладко говорила,
Что растроганный дуракъ,
На земь бросивши колпакъ,
Сталъ лисицу обнимать,
Её въ дружбѣ увѣрять;
И чтобъ не было имъ скучно,
Поклялись быть неразлучно.
Все на томъ же самомъ мѣстѣ
Отдохнуть присѣли вмѣстѣ;
Толковали о пути,

Какъ бы лучше имъ пройдти;
Но когда наговорились,
Въ силахъ снова подкрѣпились,
Встали, крѣпко обнялись
И въ дорогу собрались.

Вотъ пришли къ тѣмъ двумъ соснамъ.
»Ну, теперь, кажися, намъ
»Надо подъ гору спускаться;
»Труденъ путь, а я, признаться,
»Препорядочно усталъ.«
Тутъ дуракъ въ раздумьи сталъ.
—»Не кручинься, куманёкъ,
»У тебя, вѣдь, есть конёкъ.«
Дураку лиса сказала,
На себя тутъ показала,
Головой ему кивнула,
Длинный хвостъ свой протянула.
»Ну, садись-ко мнѣ на хвостъ.«
Нашъ Иванъ былъ очень простъ,
Не задумался ни мало,
Сѣлъ тотчасъ онъ, какъ попало,
И пустился какъ стрѣла,

Только пыль вокругъ мела,
По дорогѣ каменистой
И ухабистой, гористой.
Ничего не говоря,
Чуть, лишь, духъ переводя,
Онъ летѣлъ, не спавъ двѣ ночи,
Изо всей крѣпяся мочи.
Наконецъ позадремалъ,
Чуть на землю не упалъ,
Хорошо что спохватился,
Онъ тотчасъ за хвостъ схватился,
Привязалъ себя верёвкой,
И накрывшися поддёвкой,
Чуть глаза сомкнуть успѣлъ,
Какъ на печкѣ захрапѣлъ.

Спитъ дуракъ, бѣжитъ лиса,
Горы, рѣки и лѣса,
Только, около порхаютъ,
Будто птицы пролетаютъ.
Наконецъ остановилась,
Чуть Ивана добудилась.
»Куманёкъ, скорѣй, вставай!

»Да, смотри же, не зѣвай.
»Видишь озеро сквозь лѣсъ,
»Вотъ на немъ тотъ старый бѣсъ;
»Надо намъ бы, какъ нибудь,
»Старичишку обмануть.
»Ты ступай себѣ легонько,
»Стань за деревомъ, тихонько,
»Не шуми и не чихай,
»А за мною примѣчай.
»Я больною притворюсь,
»Черезъ силу поплетусь;
»Буду охать и хромать,
»Что ни шагъ, то отдыхать.
»Старый шутъ, какъ разъ, прельстится,
»Моимъ мѣхомъ соблазнится —
»И начнетъ меня ловить,
»А я буду отходить.
»Ты смотри жъ, устереги,
»Со всѣхъ ногъ тогда бѣги,
»Въ тотъ челнокъ скорѣй садись
»И за вёслы ухватись.
»Я ужъ тутъ потороплюсь
»И, какъ разъ, къ тебѣ явлюсь.«

Ждетъ за деревомъ дуракъ,
Нахлобучивъ свой колпакъ;
А лиса себѣ идётъ
Потихохоньку вперёдъ,
Чуть держася на ногахъ.
Вотъ ужъ въ нѣсколькихъ шагахъ
Отъ сѣдаго старика,
Вдругъ онъ прыгъ изъ челнока.
Сталъ лису за хвостъ ловить,
А та ловко уходить.
Такъ подпуститъ его близко,
Что старикъ нагнется низко,
Чуть за хвостъ, лишь, не возмется,
А лисица увернется.
Между тѣмъ дуракъ успѣлъ,
Сѣлъ въ челнокъ и пѣсни пѣлъ
Про какую-то дѣвицу,
Чернооку—бѣлолицу.
Тутъ лисица воротилась,
Вмигъ съ Иваномъ очутилась
И поплыли по волнамъ.
»Ну, теперя надо намъ
»Убираться поскорѣй.«

Такъ Иванъ замѣтилъ ей.
»А то старый рыболовъ
»Насъ оставитъ безъ головъ.«
Время было близко ночи,
Онъ сталъ гресть, что было мочи,
Поскорѣй уплыть хотѣлъ.
Челночекъ ихъ полетѣлъ,
И довольно отдалился,
Какъ тотъ старый плутъ явился.
Во всю прыть онъ къ нимъ бѣжалъ,
Отъ досады весь дрожалъ;
Бранилъ, плакалъ и сердился,
Щипалъ бороду, бѣсился,
И за ними вплавь пустился,
Свой челнокъ отнять хотѣлъ,
Былъ ужъ близко—ослабѣлъ,
Не доплылъ сажень одну
И пошелъ, какъ ключъ, ко дну.

Вотъ плывутъ они дней десять;
Дальній путь Ивана бѣситъ.
Все въ глазахъ одна вода,
Развѣ только иногда

Встрѣтятъ утку, лебядицу,
Иль заморску каку птицу;
Между тѣмъ проходятъ дни,
Наши путники одни,
Посреди воды глубокой,
Въ сторонѣ чужой, далёкой.
Да еще, на ихъ несчастье,
Завернуло все ненастье.
Весь свой хлѣбъ они приѣли,
Голодъ, нужду потерпѣли;
Нѣгдѣ было отдохнуть.
За такой тяжелый путь,
Никакихъ не взяли бъ денегъ.
Увидали они берегъ,
Черезъ двѣ, почти, недѣли;
Въ восхищеньи полетѣли,
Привязали челнъ къ осинѣ,
И помчались по долинѣ.
Знать лисица засидѣлась,
Какъ юла, она вертѣлась,
Какъ стрѣла изъ лука мчалась,
И равниной восхищалась.
Только къ лѣсу подбѣжала,

Какъ ужасно завизжала,
Мигомъ въ сторону свернула,
Чуть Ивана не стрехнула;
Ничего не говорила;
Впереди же ихъ ходила
Стая цѣлая медвѣдей.
Увидавъ такихъ сосѣдей,
Онъ нисколько не сробѣлъ,
Къ нимъ везти себя велѣлъ,
Посмѣялся надъ лисицой,
И помчался лёгкой птицей.
Въ лѣсъ пріѣхалъ—вотъ бѣда!
Всѣ медвѣди, въ два ряда,
Обступали имъ дорогу,
Собираясь по немногу.
Поднялись на заднихъ лапахъ,
И, какъ водится въ атакахъ,
Дружно двинулись впередъ.
Страхъ Ивана не берётъ,
Онъ смекнулъ тотчасъ тропинку,
Въ сапогѣ досталъ тавлинку,
Въ руку высыпалъ табакъ,
И махнулъ въ медвѣдей такъ,

Что засыпалъ всѣмъ глаза;
Будто страшная гроза
Ослѣпила имъ всѣмъ очи;
Тутъ дуракъ, изъ всей ужъ мочи,
Сталъ надъ ними хохотать,
А медвѣди всѣ чихать,
Плакать, прыгать и кружиться,
Грызться, на землю ложиться.
А межъ тѣмъ Иванъ смѣялся,
Все надъ ними издѣвался,
Чуть не померъ онъ отъ смѣху,
Видя эдаку потѣху.
Тутъ присѣлъ онъ отдохнуть,
И поѣхалъ дальше въ путь.

Ѣдетъ, ѣдетъ день и ночь,
Въ умъ нейдетъ и царска дочь,
Такъ путёмъ онъ утомился,
Хоть бы разъ остановился.
А лисица, какъ машина,
Что ни шагъ, то три аршина;
Съ куманькомъ любезнымъ вмѣстѣ,
Въ часъ махаетъ верстъ по двѣсти.

На хвостѣ дуракъ сидѣлъ,
Въ разны стороны глядѣлъ;
Какъ въ перинѣ, онъ валялся,
То былъ скученъ, то смѣялся.
У лисицы хвостъ щипалъ,
Звѣзды на небѣ считалъ.
Вотъ и лѣсъ ужъ рѣже сталъ,
Нашъ дуракъ, хоть, разусталъ,
Но хотѣлось ему, больно,
До полдня поспѣть — невольно
Онъ лисицу торопилъ,
Какъ умѣлъ, её просилъ,
Чтобъ ему не опоздать,
Вѣдьму сонною застать.

Солнце на̀ полдни катилось,
Вотъ и небо прояснилось,
Теперь самая пора.
Вотъ та страшная гора,
Изогнулась, какъ дуга;
На ней видны лѣсъ, луга;
Надъ рѣкой они висѣли
И съ небесъ въ неё смотрѣли.

У подошвы же горы,
На подобіе норы,
Но въ большую, только, мѣру,
Входъ замѣтенъ былъ въ пещеру.
Тутъ лиса остановилась,
Къ дураку оборотилась,
Лапой въ гору показала,
И сквозь слёзъ, почти, сказала:
»Полезай-ка прочь, дружище,
»Вонъ, колдуньи той жилище.
»Горько очень, коль признаться,
»Мнѣ съ тобою разставаться,
»Да, что дѣлать, кумъ, ступай,
»Торопись и не зѣвай,
»Ужъ теперя недалёко.
»Видишь солнце какъ высоко,
»Вѣдьма спитъ теперь навѣрно,
»Накажи жъ её примѣрно.
»Съ нею, сонной, сладить легче.
»Поцѣлуй меня покрѣпче;
»Да и, съ Богомъ, отправляйся.
»Плутовству не поддавайся,
»Косу ей не отпускай,

»Бей её, щипли, таскай.
»Бить не грѣхъ такого гада,
»И выпытывай что надо.
»Ну, иди жъ, голубчикъ, смѣло,
»Доверши начато дѣло.
»Я тебя здѣсь подожду;
»Какъ окончишь съ ней вражду,
»Воротись, зови меня,
»Въ одинъ мигъ явлюся я.

Вотъ дуракъ съ лисой простился,
Къ страшной вѣдьмѣ потащился;
Входитъ онъ въ ея жилище;
Словно послѣ пожарища,
Черной копотью покрыто,
Сверху, снизу, все изрыто;
На стѣнѣ сидитъ сова,
Что у ней за голова?
Какъ у черта же, съ рогами,
Съ прелахматыми ногами.
Распустивъ огромны крылья,
Носъ уткнувъ въ стѣнныя дырья,
Она дремлетъ и ворчитъ,

То вдругъ вскрикнетъ, то молчитъ.
Нашъ дуракъ кругомъ обходитъ,
Никого тутъ не находитъ;
Въ дверь другую устремился,
Подошелъ, остановился,
Видитъ тамъ еще пещера,
Съ прежней равнаго размѣра,
Кирпичами устланъ полъ,
Посреди дубовый столъ,
На столѣ ночникъ стоитъ,
Трепеща, едва горитъ.
А вокругъ премного травъ,
Разныхъ въ чашечкахъ приправъ,
Стклянокъ, шкаликовъ, бутыкокъ,
Корешковъ, ножей и вилокъ.
Чуть мерцаетъ слабый свѣтъ;
За столомъ лежитъ скелетъ,
Той колдуньи безобразной,
На скамейкѣ сальной, грязной;
Съ косой длинной, по колѣно.
Въ головахъ лежитъ полено;
На рукахъ вершковъ въ пять ногти,
На ногахъ огромны когти.

Остовъ тѣла костяной,
Лобъ блеститъ, какъ жестяной;
Глаза впалые закрыты,
Щёки вдавлены, изрыты;
Изо рта, какъ паръ валитъ,
Вѣдьма старая храпитъ.
Въ изголовьи, подлѣ печки,
Лежитъ кошка, словно свѣчки,
Свѣтятъ страшные глаза;
Въ лапахъ съ листьями лоза,
Той лозой она махаетъ,
Мухъ съ колдуньи отгоняетъ,
Сама дремлетъ, чуть мурлычитъ,
И качаясь носомъ тычитъ.

Нашъ Иванъ не оробѣлъ,
Когда все онъ оглядѣлъ,
То минуту улуча,
Потихоньку, не стуча,
Онъ на цыпочкахъ пошелъ
Къ самой вѣдьмѣ и нашелъ,
У стѣны, подлѣ скамейки,
Въ родѣ маленькой лазейки,

Гдѣ укрыться едва могъ;
Онъ въ нёе тотчасъ залёгъ,
Присмирѣлъ, едва лишь дышитъ.
Вдругъ ударъ ужасный слышитъ,
Будто мѣдь задребезжала,
Страшно кошка завизжала,
Встрепенулася сова,
И змѣина голова,
Свѣсясь съ двери, зашипѣла;
Еще больше потемнѣло.
Тутъ колдунья потянулась,
Къ черной кошкѣ обернулась,
Страшно очи искосила,
Съ сердцемъ бѣшенымъ спросила,
Носъ зажавши кулакомъ:
»Что такъ пахнетъ дуракомъ?
»Иль не слышишь, пёсъ проклятый!
»Покури скорѣе мятой.«
Кошка черная молчала,
Что-то тихо проворчала,
И, оставивши лежанку,
На столѣ открыла банку,
Въ ней достала порошокъ,

Его сунула въ горшокъ,
Жидкимъ зельемъ полила,
Вдругъ оттуда повалило
Пламя съ дымомъ, пошолъ трескъ,
И разлился яркій блескъ.

Тихо тутъ дуракъ поднялся,
Къ злой колдуньѣ онъ подкрался,
Мигомъ за̀ косу схватилъ,
Трижды на̀ руку обвилъ,
Храбрымъ духомъ укрѣпился;
Чтобы не было — рѣшился —
Онъ косы не выпускать;
Гдѣ бъ не вздумала таскать
За собой его злодѣйка,
Злая вѣдьма — лиходѣйка.
Ей досадно очень стало;
Со скамьи на землю пала;
Стала грыться и сердиться,
Лбомъ о землю колотиться;
Сильно била полъ ногами,
Страшно щёлкала зубами;
То медвѣдемъ зареветъ,

То, вдругъ, птицей запоётъ.
То Ивану шлётъ угрозы,
То распуститъ горьки слёзы.
Билась, билась, поднялась,
Вся отъ злости затряслась,
И, какъ вихорь, завертѣлась;
Но дуракъ не унывалъ,
Крѣпко за̀ косу держалъ.
Такъ до вечера кружилась,
Но напрасно, и рѣшилась
Изъ пещеры вонъ летѣть,
Тамъ что будетъ — посмотрѣть.
Ночь ужъ тёмная настала,
Вѣдьма старая устала,
Пролетѣла сквозь трубу,
И, присѣвши на дубу,
Обратилася къ Ивану:
»Ну, послушай, я не стану
»Зломъ платить за эту дерзость,
»За твою нахальну смѣлость,
»Отпусти мою ты ко̀су,
»И не смѣй вперёдъ безъ спросу....
—»Что? Ты вздумала грозить!«

И давай её тузить,
Что есть мочи, кулакомъ.
Трудно ладить съ дуракомъ,
Она слово — онъ ей плоху,
То по мордѣ, то по уху.
Видитъ вѣдьма худо дѣло,
И придумать не умѣла,
Какъ избавиться злодѣя.
Отъ досады цѣпенѣя,
Стала слёзы горьки лить,
Убѣдительно просить:
»Отпусти, любезный другъ!
»Ради будущихъ заслугъ.
»Я тебя всѣмъ награжу,
»Хочешь денегъ.« — »Погожу.
»Врешь ты старая чертовка,
»Вишь подъѣхала какъ ловко!
»Не о деньгахъ теперь рѣчь,
»Ты скажи мнѣ, гдѣ тотъ мечь,
»Что царевна отдала,
»Гдѣ его ты убрала?
»Какъ достать воды живой?
»Чтобъ царя съ его сестрой,

»Обратить опять въ людей.
»Говори же поскорѣй!
»Да еще, ты знаешь вѣрно,
»Гдѣ сестра его царевна?

Тутъ колдунья обомлѣла,
Вмигъ стрѣлою полетѣла;
Пуще прежняго бѣсилась,
Гдѣ она съ нимъ не носилась?
То взлетитъ подъ небеса,
То опустится въ лѣса;
То помчится по горамъ,
То несется по волнамъ,
То впередъ, то взадъ воротитъ,
А дуракъ её колотитъ.
Какъ она не свирѣпѣла,
Ночь пробившись ослабѣла;
Утомилась, разустала,
И безъ силъ на землю пала.
Часъ полночный наступалъ,
Нашъ Иванъ не отступалъ,
Колотилъ свою старуху,
То по шеѣ, то по уху;

Какъ несчастная не билась,
Но Ивану покорилась.
»Ну, дуракъ!« она сказала,
»Твоя храбрость доказала,
»Сколь ты силенъ и могучь.
»На, тебѣ, вотъ, этотъ ключь;
»Отправляйся съ нимъ за гòру,
»Только въ утреннюю пору.
»Вонъ, что за лѣсомъ, видна,
»Выше всѣхъ гора одна.
»За горою стоитъ валъ,
»А за валомъ есть провалъ;
»Ты въ него, придя, спустись,
Да, смотри же, берегись:
»Онъ глубокъ и очень крутъ.
»Межъ кустовъ и камней, тутъ,
»Чуть замѣтно, влѣвѣ, дверце;
»Посрединѣ, въ само сердце,
»Ключь вложи, разъ поверни,
»Да назадъ и отпрыгни.
»Десять разъ въ ладоши хлопни,
»И, съ разбѣга, въ дверце топни;
»Оно мигомъ распахнется,

»А за нимъ и мечь найдется.«
—»Да къ мечу, вѣдь, этотъ путь,
»Стережетъ же кто нибудь?«
—»Нѣтъ.« колдунья отвѣчала,
И, смутившись, замолчала.
Но Иванъ ей не повѣрилъ,
Колотушекъ пять отмѣрилъ
И завёлъ рѣчь о водѣ,
Какъ достать её и гдѣ?
»Это дѣло мудрено,
»И тѣмъ больше, что оно
»Не зависитъ отъ меня;
»Но я, впрочемъ, для тебя
»Дать могу такой совѣтъ.«
Она молвила въ отвѣтъ.
»На краю, почти что, свѣта
»Есть страна, гдѣ одно лѣто,
»Безъ зимы идётъ весь годъ,
»И весь тамошній народъ
»Льда и снѣга не видалъ,
»Сроду шубъ не надѣвалъ.
»Ходятъ всѣ, почти безъ платья,
»И живутъ въ ладахъ, какъ братья.

»Тамъ не знаютъ ни печей,
»Не палятъ, какъ мы свѣчей,
»Солнце съ неба нейдетъ прочь,
»Одинъ часъ у нихъ вся ночь.
»Всѣ плтаются плодами
»И не старятся годами,
»Молодецъ на молодцѣ,
»Такъ и брызжетъ кровь въ лицѣ.
»Правитъ ими царь Дадонъ,
»И, куда, какъ грозенъ онъ;
»Если кто съ кѣмъ не поладитъ,
»Тотчасъ на колъ всѣхъ посадитъ,
»Иль безъ милости дерётъ.
»Самъ же царь, Дадонъ, живетъ
»Во дворцѣ великолѣпномъ,
»За сто вёрстъ, почти, примѣтномъ.
»Такъ, какъ солнышко, сіяетъ.
»Свѣтъ такой онъ разливаетъ,
»Упершись подъ небеса,
»Посмотрѣть — такъ чудеса!
»А богатствъ не перечесть.
»Сколько въ царствѣ его есть
»Драгоцѣнныхъ, дивныхъ горъ,

»Медовыхъ сколько озёръ?
»А вокругъ стоятъ сады,
»И, ужъ, что въ нихъ за плоды,
»Просто чудо, удивленье,
»Въ ротъ возмешь, такъ объядѣнье!
»Сочны, полны, чуть висятъ,
»Будто яхонты горятъ;
»А листы, какъ изумрудъ.
»Посреднѣ сада прудъ,
»Свѣтелъ, чистъ онъ, какъ хрусталь,
»Весь блеститъ, какъ къ солнцу сталь.
»Дно еще, гораздо, краше,
»И все видно въ немъ, какъ въ чашѣ.
»Золотыя видны глыбы,
»Брилліантовыя рыбы,
»Между нихъ въ пруду играютъ,
»Словно искры въ немъ сверкаютъ.
»А за прудомъ, близь дворца,
»На подобіе ларца,
»Вся изъ чистаго алмаза,
»Ярче солнца, свѣтитъ ваза;
»Подъ чудесною горой,
»Въ ней бьётъ ключь воды живой;

»И вокругъ ея, однихъ,
»Человѣкъ сто часовыхъ,
»Стерегутъ ее безсмѣнно,
»Царь велѣлъ имъ, непремѣнно,
»За ней строго наблюдать,
»Чтобы промаха не дать.«
—»Непремѣнно тамъ я буду,
»Какъ, лишь, только мечь добуду.
»Какъ тогда не захотѣть
»Тако чудо посмотрѣть?«
—»Нѣтъ, какъ самъ туда пойдешь,
»Такъ навѣрно пропадешь.
»Мечь твой-силенъ, а его —
»Посильнѣе твоего.
»Лучше, братъ, поберегись,
»Какъ нибудь, да обойдись.«
Такъ замѣтила колдунья.
»Врешь проклятая, ты, врунья!«
Закричалъ тутъ ей дуракъ,
И пошелъ валять онъ такъ,
Что колдунья запищала,
И тотчасъ же обѣщала
Научить его что дѣлать,

Чтобъ живой воды провѣдать.
Повела она тутъ рѣчь:
»Гдѣ ты будешь брать свой мечь,
»Отъ горы той недалёко,
»Близко моря, одиноко,
»Дубъ развѣсистый ростётъ,
»А въ дуплѣ орёлъ живётъ.
»Онъ Дадона царство знаетъ,
»Въ одинъ мигъ къ нему слетаетъ.
»Лишь умѣй ты съ нимъ поладить,
»Силой, хитростью-ль заставить,
»Что бъ онъ только согласился,
»Въ царство дальнее пустился;
»Коль тебя на это станетъ,
»Онъ, какъ разъ, воды достанетъ.«
—»Ну, а гдѣ жъ теперь царевна?
»Говори скорѣй, да вѣрно;
»Бойся ежели соврешь.
—»Ты ее сей часъ найдешь,
»Какъ до лѣсу доберешься,
»Только, лишь, назадъ вернешься,
»Какъ она тебя замѣтитъ,
»Прежде всѣхъ тебя и встрѣтитъ.

—»Ну....« сказалъ дуракъ протяжно,
Подпершись рукою важно.
»Разскажи-ка мнѣ теперь,
»Про себя, проклятый звѣрь!
»Долго-ль будешь издѣваться
»Надъ людьми и забавляться
»Ихъ несчастною судьбой?
»Не пора-ль тебѣ самой
»Къ черту въ лапы убираться?
»Тамъ за все съ нимъ расквитаться.
»Сколько зла ты натворила?«
Вѣдьма тутъ не говорила,
Глазъ поднять своихъ не смѣла,
Трепетала и блѣднѣла.
Ночь прошла такъ до разсвѣта;
Не дождавшися отвѣта,
Нашъ Иванъ уже рѣшился,
За топоръ свой ухватился,
Чуть видна стала роса,
Какъ слетѣла прочь коса.
Вдругъ раздался адскій хохотъ,
Шумъ, писк, визгъ и страшный грохотъ;
Грянулъ громъ съ ужаснымъ трескомъ,

Вся окружность яркимъ блескомъ
На минуту озарилась,
Страшнымъ рёвомъ огласилась;
Вмигъ разсѣлася земля,
Изъ разсѣлины змѣя,
Какъ на крыльяхъ, вверхъ взвилась,
Вкругъ колдуньи обвилась,
И съ ней въ пропасть полетѣла....
Тутъ опять все потемнѣло.

Долго нашъ стоялъ Иванъ
Одурѣлый, какъ чурбанъ,
Косу длинную держалъ,
Самъ отъ страха весь дрожалъ.
Прежде, чѣмъ пустился въ путь,
Сѣлъ немножко отдохнуть.
День и ночь совсѣмъ не спавши,
Обезсилѣвъ, разуставши,
Совершенно изнемогъ,
На травѣ подъ кустъ прилёгъ;
Чуть глаза закрыть успѣлъ,
Какъ въ минуту захрапѣлъ;
Цѣлый день, почти, проспалъ,

Наконецъ Иванъ нашъ всталъ,
И представивъ, что навѣрно,
Ждетъ давно его Царевна,
Не забылъ никакъ объ ней,
Побѣжалъ къ рѣкѣ скорѣй,
Въ ней умылся, искупался,
Какъ умѣлъ онъ, причесался,
Вздѣлъ опять свою поддёвку,
Подтянулъ кушакъ-верёвку,
На нее топоръ привѣсилъ,
И опять Иванъ сталъ веселъ.
Взмахнулъ косу на плечо,
Съ сильнымъ чувствомъ, горячо,
Затянулъ онъ въ басъ огромный:
»Посреди долины ровной.«
Всю поляну онъ проходитъ,
А Царевны не находитъ.
Тутъ Иванъ нашъ разсердился,
Въ мысляхъ съ вѣдьмою бранился,
И пославши её къ бѣсу,
Путь направилъ свой, онъ, къ лѣсу.
Вдругъ лиса предъ нимъ предстала,
Обнимать Ивана стала;

Крѣпко очень цѣловала,
Какъ героя поздравляла.
»Ну, Ванюша, молодецъ!
»Побѣдилъ ты, наконецъ,
»Эту страшную колдунью,
»Ягу-бабу, злу—болтунью.
»Разскажи жъ мнѣ все, какъ было.«
Солнце за лѣсъ уходило,
Онъ съ лисицею присѣлъ,
Разсказалъ ей, какъ умѣлъ,
Свое чудно похожденье,
И тотчасъ же, въ подтвержденье,
Снялъ съ плеча огромну косу,
Поднеся лисицѣ къ носу,
Показалъ ея длину,
Цвѣтъ, доброту, ширину.

Чтобы время не терять,
Нашъ Иванъ съ лисой опять,
Шибче прежняго, пустился
Къ тому мѣсту, гдѣ хранился,
Вѣдьмой скрытый, третій вѣкъ,
Мечь могучій— самосѣкъ.

Самой раннею порой
Они были подъ горой.
Вотъ дуракъ съ лисицы слѣзъ,
Ей велѣлъ уйдти онъ въ лѣсъ,
Самъ вскарабкался на валъ,
И, спустясь съ нею въ провалъ,
Отыскалъ закрыто дверце,
Ключъ приладилъ въ само сердце,
Разъ насилу повернулъ,
Взадъ, тотчасъ же, отпрыгнулъ,
Десять разъ въ ладоши хлопнулъ,
Разбѣжался, въ дверце топнулъ,
Оно мигомъ отворилось,
Что жъ глазамъ его открылось?
Посрединѣ мечь глубоко
Воткнутъ въ землю, недалёко
Чудо страшное сидитъ,
Сномъ объято и храпитъ.
Мечъ обнявши одной лапой,
Какъ верблюдъ, большой, горбатый,
Не высокъ, но очень толстъ;
Какъ у рыбы, длинный хвостъ,
Три ноги и шесть головъ,

Ротъ огромный, словно ровъ,
По сажени два клыка;
Его толстые бока
Длинной шерстію покрыты,
Глаза кровію налиты.

Вотъ дуракъ къ нему подходитъ,
Мѣтко свой топоръ наводитъ,
Хвать! и вмигъ его обухъ
Разлетѣлся, словно пухъ.
Тутъ чудовище проснулось,
Отъ удара встрепенулось,
Ротъ открыло, замычало,
Всю пещеру закачало;
Очи страшно исказило,
Проглотить его грозило.
Что тутъ дѣлать дураку?
Съ нимъ нѣтъ больше табаку,
Нѣту также топора,
Знать пришла ему пора
Свои кости схоронить.
Взадъ хотѣлъ онъ обратить,
Но проклятый этотъ звѣрь

Заслонилъ хвостомъ всю дверь.
Съ свѣтомъ бѣлымъ распрощался,
Крѣпко онъ къ стѣнѣ прижался,
Непремѣнной смерти ждетъ.
Вотъ чудовище идётъ,
Уже близко—онъ сробѣлъ—
Умирать, знать, не хотѣлъ,
Сталъ размахивать руками,
Пальцы сжавши кулаками,
Какъ, лишь, могъ оборонялся;
Чрезъ минуту поровнялся,
Съ чудомъ гадкимъ, носомъ къ носу
Въ торопяхъ схватилъ онъ косу,
И въ отчаяньи махнулъ....
Вдругъ ужасный вихрь пахнулъ,
Вся пещера загорѣлась,
Затряслась и разлетѣлась;
Камни сыпались кругомъ,
Заревѣлъ ужасный громъ.
Вмигъ коса и страшный гадъ
Обратились въ дымъ и смрадъ....

Тутъ Иванъ, какъ одурѣлый,

Пролежалъ безъ чувствъ часъ цѣлый.
Послѣ этакой тревоги,
Чуть держали его ноги.
Часъ, другой онъ отдохнулъ,
Чистымъ воздухомъ вздохнулъ,
Снова въ силахъ укрѣпился,
Мечь поднять поторопился,
И, взмахнувъ его на плечи,
Онъ повелъ съ нимъ сладки рѣчи.
Путь направилъ опять къ лѣсу,
Отыскалъ лису—повѣсу,
Мечь чудесный показалъ,
Всю исторью разсказалъ.
Позабылъ минувше горе;
Въ сторонѣ замѣтилъ море,
Близко моря одинокій
Дубъ вѣтвистый и высокій.
Вмигъ къ нему онъ подлетѣлъ,
На вершину влѣзть хотѣлъ,
Чтобъ орла того поймать,
За живой водой послать.
Но столѣтній дубъ не тонокъ,
А дуракъ совсѣмъ не ловокъ,

Какъ ни силился, ни бился,
Влѣзть не могъ и утомился.
Снялъ съ своихъ дурацкихъ плечь,
Имъ добытый, чудный мечь,
И махнувъ съ землею вровень,
Дубъ подсѣкъ подъ самый корень.
Только лишь посторонился,
Какъ онъ съ шумомъ повалился.
Сучья, лопаясь, трещали,
Вдругъ орлята запищали.
Трое ихъ въ гнѣздѣ сидѣли,
Чуть пушокъ еще имѣли;
Они очень испугались,
Въ разсыпную всѣ помчались.
Тутъ проворная лисица
Въ слѣдъ пустилась, словно птица,
Тотчасъ ихъ переловила,
Всѣхъ къ Ивану притащила.
Первязавши ихъ верёвкой,
Онъ накрылъ своей поддёвкой,
Лёгъ на землю самъ и ждетъ,
Скоро-ль къ нимъ отецъ придётъ.

Такъ, какъ часъ прошелъ не боле,
Зашумѣло что-то въ полѣ.
Нашъ Иванъ не шевелился,
А надъ нимъ орёлъ носился,
Всё на томъ кружился мѣстѣ.
Какъ любовникъ о невѣстѣ,
О дѣтяхъ онъ тосковалъ,
Горько плакалъ, ворковалъ.
То взлетитъ подъ небеса,
Смотритъ въ горы и лѣса,
Не видать-ли гдѣ дѣтей?...
То всей тяжестью своей,
Словно камень, на земь бухъ!
Только вѣтеръ его пухъ
Въ разны стороны разноситъ.
Наконецъ Ивана проситъ
Отыскать его орлятъ.
Онъ въ отвѣтъ сказалъ: »наврядъ,
»Отыскать теперь ихъ можно;
»Коли правду молвить, должно
»Много время хлопотать,
»А мнѣ надо поспѣшать,
»Хоть достать бы я ихъ могъ.«

Тутъ дуракъ опять прилёгъ,
И закрылъ глаза рукой.
Вотъ орелъ въ тоскѣ такой,
Сталъ Ивана умолять,
Чтобъ дѣтей его достать.
»Ну, пожалуй, такъ и быть,
»Стану я тебѣ служить,«
Отвѣчалъ орлу Иванъ;
»Только надо прежде намъ
»Подѣльнѣй уговориться,
»Чтобъ охотнѣе трудиться.
»Я служить не стану даромъ,
»Помѣняемся товаромъ;
»Я орлятъ достану — ты —
»Мнѣ добудь живой воды.
—»Ну, пожалуй, я согласенъ;
»Хоть путь труденъ и опасенъ,
»Да, любя дѣтей такъ больно,
»Долженъ выполнить невольно.
»Такъ прощай, любезный другъ!«
Съ этимъ словомъ орелъ вдругъ
Шибче вихря полетѣлъ,

Словно пуля просвистѣлъ,
И исчезъ тотчасъ изъ глазъ.

Послѣ этакихъ проказъ
Захотѣлъ Иванъ вздохнуть,
Чтобъ свѣжей въ обратный путь,
На другой пуститься день,
Подложивъ дубовый пень,
Спитъ себѣ крѣпчайшимъ сномъ.
Вдругъ въ просонкахъ слышитъ онъ,
Что лиса его толкаетъ;
Глаза сонны продираетъ,
Еще солнышко не всходитъ,
Ему въ умъ никакъ не входитъ,
Что орёлъ летитъ назадъ.
»Ахъ! пріятель, какъ я радъ,
»Что слеталъ ты такъ проворно!
»Благодарствуй же покорно!«
—»А дѣтей досталъ, иль нѣтъ?«
Орёлъ молвилъ тутъ въ отвѣтъ.
»Какъ же! цѣлу ночь не спалъ,
»И насилу отыскалъ
»Твоихъ бѣдненькихъ орлятъ;

»Посмотри они какъ спятъ.«
Тутъ орёлъ тотчасъ же взялъ,
Съ своихъ крыльевъ отвязалъ
Пузырекъ съ живой водой,
И сказалъ: »вотъ, милый мой!
»На, тебѣ, въ вознагражденье,
»За ночное похожденье.
»Таки люди очень рѣдки,
»Не забудь меня напредки.
Взявши тотчасъ воду, мечь,
Поскорѣй окончилъ рѣчь,
Сѣлъ на хвостъ къ своей лисицѣ,
И помчался словно птицей.
Всю дорогу онъ былъ веселъ,
Безпрестанно куралесилъ.
Пѣсни громкія оралъ,
Совсѣмъ время не видалъ,
Какъ онъ къ озеру примчался.
Ихъ челнокъ тамъ дожидался;
Снарядивши длинной палкой,
Свой челнокъ, довольно валкой,
Навязалъ на нёмъ верёвки,
Парусъ сдѣлалъ изъ поддёвки.

Вѣтеръ, къ счастью, дулъ попутный,
Этотъ путь ихъ былъ минутный;
Скоро въ лѣсъ Иванъ примчался,
Гдѣ съ лисицей повстрѣчался.
Взялъ опять онъ ту же вилу,
Сталъ раскапывать могилу.
Какъ увидѣлъ только льва,
Потащилъ его сперва
Изъ могилы этой вонъ.
Много тутъ трудился онъ,
Долго силился, потѣлъ,
Наконецъ преодолѣлъ.

Взялъ водицу, спрыснулъ разъ,
И увидѣлъ онъ тотчасъ—
Шкура львина прочь полѣзла,
Въ прахъ невидимый исчезла.
Онъ еще полилъ другой,
Вмѣсто льва, вдругъ молодой,
Чернобровый, черноокой,
Статный юноша, высокой,
Свѣжій, кровь какъ съ молокомъ,
Сталъ предъ нашимъ дуракомъ.

Распростёръ къ нему объятья,
Обнялись они, какъ братья,
Стали крѣпко цѣловаться,
Поклялись не разлучаться
Съ той минуты ни на часъ.
»Какъ зовутъ, почтенный, васъ?«
Такъ дуракъ спросилъ царя.
Царь двухъ словъ не говоря,
Молвилъ дураку въ отвѣтъ:
»Для тебя мнѣ имя нѣтъ,
»Кромѣ брата или друга,
»За твою ко мнѣ услугу.
»Такъ меня и называй,
»Да смотри жъ не забывай.«
Тутъ къ лисѣ оборотился,
Низко ей онъ поклонился,
И прося у ней прощенье,
За свое ужасно мщенье,
На себя негодовалъ,
Горько плакалъ и рыдалъ.
Цѣловалъ её и гладилъ,
Объ одномъ твердилъ и ладилъ,
Чтобъ лисица не сердилась,

Въ знакъ прощенья согласилась
Съ ними въ царство отправляться,
И уже не разлучаться.

Тутъ рядкомъ они присѣли;
Кончивъ рѣчь свою о дѣлѣ,
Захотѣли отдохнуть,
Чтобъ пораньше въ дальній путь
Имъ отправиться всѣмъ вмѣстѣ.
Улеглись на томъ же мѣстѣ,
Другъ за другомъ, всѣ зѣвнули,
Чрезъ минуту и заснули.
Только стало лишь свѣтать,
Они начали вставать,
Поскорѣе одѣваться,
Въ путь-дорогу собираться.
Ужъ лиса была готова,
Вотъ дуракъ на хвостъ сѣлъ снова,
Далъ мѣстечко для царя;
Нетерпѣніемъ горя,
Мчатся путники стрѣлой,
Только слышно, какъ порой,
Нашъ Иванъ изо всей мочи

Орётъ пѣсни. Вотъ три ночи,
Наши путники летятъ;
На четвертую—глядятъ—
Уже къ царству прискакали.
Не въѣзжая въ него, стали
Они думать, да гадать,
Какъ бы дѣло имъ начать.
Черезъ часъ рѣшили дружно,
Что имъ прежде будетъ нужно,
Будто бы изъ снисхожденья,
Царству сдѣлать предложенье,
Не захочетъ-ли оно,
(Хотя это мудрено),
Добровольно, такъ имъ сдаться?
Если нѣтъ—тогда сражаться.

Тутъ Ивану поручили
Быть посломъ и научили,
Какъ съ царицей объясниться,
Чѣмъ грозить и какъ мириться.
Вотъ, простясь съ царемъ, съ лисицей,
Нашъ Иванъ пошелъ къ царицѣ.
Ко дворцу пробрался онъ,

Осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ,
Входитъ—что за удивленье!
То же само сновидѣнье;
Тѣ же самыя палаты,
Такъ огромны, такъ богаты,
Такъ украшены онѣ,
Какъ онъ видѣлъ ихъ во снѣ.
Сталъ розиня ротъ Иванъ,
Словно вкопанный чурбанъ;
Лишь глазами токько водитъ.
Царскій стражъ къ нему подходитъ,
Говоритъ: что ему нужно.
»Толковать мнѣ недосужно!«
Закричалъ Иванъ нашъ смѣло.
»Я имѣю важно дѣло
»Передать самой царицѣ,
»Проводи къ ея свѣтлицѣ;«
—»Да нельзя же безъ доклада.
—»Какъ нельзя, когда мнѣ надо?
»Вотъ-те-на какая мода!
»Ну, скажи: сынъ тихохода,
»Самъ пришелъ и хочетъ съ ней
»Говорить; да поскорѣй,

»А то всѣмъ вамъ будетъ худо.«
Стражъ подумалъ, что за чудо,
Какъ Иванъ сердитъ и смѣлъ;
Со всѣхъ ногъ онъ полетѣлъ,
Какъ испуганною птицей,
Доложилъ объ немъ царицѣ.
Она видѣть захотѣла
И позвать его велѣла.

Вѣкъ проживши въ черной хатѣ,
Въ старомъ пачканномъ халатѣ,
Не причесаный, не бритый,
Сутокъ трое не умытый;
Не обтёрши, даже, ноги,
Нашъ Иванъ пошелъ въ чертоги.
Предъ царицей сталъ дуракъ,
Приподнялъ рукой колпакъ,
А другой поправилъ мечь,
И повелъ такую рѣчь:
»Здравствуй, матушка царевна!
»Такъ сказать тебѣ примѣрно,
»Я Иванъ и царскій другъ,
»Ради всѣхъ моихъ заслугъ

»Царь въ ладахъ со мной, какъ съ братомъ.»
Тутъ дуракъ своимъ халатомъ
Носъ утёръ, плечёмъ пожалъ
И опять рѣчь продолжалъ:
»Такъ, вотъ видишь-ли мой братъ,
»Царь пригожій, просто хватъ,
»Что перомъ не написать,
»Приказалъ тебѣ сказать,
»Чтобъ ты царство отдала.
Но царица удала,
Поняла тотчасъ въ чемъ дѣло:
На Ивана посмотрѣла,
Сквозь досады улыбнулась,
Правымъ ухомъ пригнулась,
Очи, щуря, искосила
И насмѣшливо спросила:
»Что такое, мой почтенный?
»Что велитъ царь дерзновенный?
»Я, какъ будто, не слыхала.«
Тутъ она захохотала.
»Царь велитъ отдать все царство,
»Весь народъ и все богатство,
»Безо всякихъ споровъ, драки.

—»Нѣтъ, голубчикъ, это враки:
»Да, скажи, что это лудки.«
Закусивши свои губки,
Такъ царевна отвѣчала.
»Я подумала сначала,
»Какъ въ мой теремъ ты вошелъ,
»Не съ ума-ли ты сошелъ?
»Что такъ смѣешь со мной дерзко
»Говорить. Да, это мерзко,
»Непростительно никакъ.
»Хоть, положимъ, ты дуракъ,
»Что теперь легко ужъ видно,
»Но мнѣ все-таки обидно,
»Чтобъ какая-нибудь тварь
»Такъ дерзка была.... Гдѣ жъ царь?
—»Онъ у царства твоего,
»Ждетъ отвѣта моего.
»Что жъ велишь ему сказать—
»Такъ отдашь, иль воевать?«
Тутъ коварная царевна,
Посмотрѣвши очень гнѣвно,
Побѣднѣла, осердчала,
И съ досадой отвѣчала:

»Отправляйся къ свому брату,
»Да, скажи же супостату,
»Что онъ худо меня знаетъ,
»Коль противъ меня дерзаетъ
»Затѣвать такіе виды.
»Этой крайней я обиды
»Не снесу и не смолчу.
»Тотчасъ царство ополчу;
»Буду грозно воевать,
»Разобью всю вашу рать,
»Размечу ея всѣ кости,
»Что бъ впередъ не смѣли въ гости
»Пріѣзжать, какъ на разбой.
»Не прощу, хоть волкомъ вой,
»И тогда себя утѣшу,
»Когда васъ двоихъ повѣшу,
»Что бъ твой братъ впередъ былъ кротче,
»Да языкъ держалъ короче.«

Тутъ царевна расходилась,
Къ царедворцамъ обратилась;
Приказавъ, безъ изключенья,
Цѣло царство въ ополченье

Приготовить поскорѣй,
И донесть объ этомъ ей.
Вмигъ пошла вездѣ тревога,
Хлопотали очень много,
Какъ попало снаряжались,
И ни мало удивлялись.
Жены ахали, крестились,
А мужья ихъ суетились;
Горько плакали, прощались,
Ко дворцу всѣ собирались.
Во всѣ стороны, концы,
Мчались царскіе гонцы,
Всѣмъ приказъ сей возвѣщали,
Всѣмъ награды обѣщали.
Всѣхъ, какъ можно торопили,
Кого лаской, кого били,
И въ минуту царство цѣло,
Какъ въ котлѣ, все закипѣло.
Шумъ пошелъ вездѣ и трескъ,
Засверкалъ оружій блескъ,
Всѣхъ собравшихся на мѣстѣ;
Крикъ и плачь смѣшались вмѣстѣ,
И ударили въ набатъ.

Нашъ Иванъ тому и радъ,
Чтобъ попробовать свой мечь,
Какъ единымъ взмахомъ съ плечь,
Сто головъ снимаетъ онъ.
Тутъ отвѣсивши поклонъ,
Онъ съ царицею простился;
Во всю прыть, скорѣй, пустился,
Нетерпѣніемъ горя,
Чтобъ увѣдомить царя.

Поднялася пыль столбомъ,
Шумъ пошелъ, оружій громъ;
Потянулась царска рать,
Вся съ Иваномъ воевать.
Вотъ дуракъ свой мечь беретъ,
Смѣло къ нимъ идётъ вперёдъ.
Въ ста шагахъ остановился,
Раза три перекрестился,
Прежде чѣмъ пустился въ бой.
Подпершися въ бокъ рукой,
Заломилъ онъ свой колпакъ,
И кричать имъ началъ такъ:
»Эй, вы! вражьи супостаты!

»Знать, на печкѣ только хваты,
»А не то, чтобы на дѣлѣ!
»Выходите! — Что жъ сробѣли?
»Вы со мной войну ведете,
»Что же стали и нейдете?«
Два вождя тутъ отдѣлились,
Подошли и удивились,
Что ихъ грозный супостатъ
Былъ Иванъ, родной ихъ братъ.
»Ба! не ты ли воевода,
»Хочешь быть царемъ народа?
»Да, за чѣмъ же ты пришелъ?
»Не съ ума ли ты сошелъ,
»Затѣвать такое дѣло?
»Взбаломутивъ царство цѣло,
»Ты такихъ проказъ надѣлалъ,
»Чего самъ никакъ не вѣдалъ.«
Ему братья отвѣчали;
Между прочимъ примѣчали,
Что Иванъ ихъ не робѣлъ,
Очень весело глядѣлъ.
»Прогнѣвя теперь царевну,
»Ты за дерзость безпримѣрну

»Головой своей заплотишь,
»И теперь, ужъ какъ ты хочешь,
»Мы не пустимъ — отдавайся!
»Ну, ты самъ, дуракъ, признайся,
»Можно-ль съ нами воевать?
»Гдѣ жъ твоя грибная рать?
—»Вотъ она.« — Иванъ сказалъ
И на мечь свой показалъ.
Братъ Гаврило былъ серьёзный,
Видъ носивши всегда грозный,
Вдругъ со смѣху покатился,
Въ слѣдъ за нимъ и Петръ пустился,
За Петромъ, тотчасъ, вся рать
Стала громко хохотать,
А за ратью и все царство,
Какъ прислуга, такъ и барство.
По немногу — наконецъ,
Смѣхъ проникъ и во дворецъ.
Тако чудо не бывало,
Все, что жило, хохотало.
Старики и всѣ старухи,
Всѣ букашки, разны мухи;

Птицы, рыбы, всякой скотъ,
Всѣ тряслись, разиня ротъ.

Когда кончилась потѣха,
Всѣ оправились отъ смѣха,
Закричалъ тогда Гаврило:
»Ну, ребята, стыдно-бъ было,
»Съ дуракомъ однимъ связаться,
»Его бить, иль съ нимъ сражаться.
»Лучше, просто, такъ схватите,
»Руки, ноги всѣ свяжите,
»Оттощите во дворецъ,
»И тогда войнѣ конецъ.«
По приказу малый ловкой,
Вышелъ съ длинною верёвкой,
Что бъ крутить скорѣй Ивана;
Въ одинъ мигъ за нимъ изъ стана,
По охотѣ своей, просто,
Человѣкъ, почти, что до ста,
Побѣжали любоваться,
Надъ Иваномъ посмѣяться.
Но дуракъ нашъ не грустилъ,
Онъ ихъ близко подпустилъ,

Да· какъ вдругъ мечемъ махнулъ,
Такъ никто и не дохнулъ.
Всѣ упали безъ головъ;
Вотъ могучій мечь каковъ!
Тутъ Иванъ поободрился,
На враговъ своихъ пустился.
Крикъ пошелъ, оружій стукъ,
Онъ ихъ коситъ, словно лукъ.
Въ одинъ взмахъ кладётъ на мѣстѣ,
То штукъ по сту, то по двѣсти.
Братья видятъ — дѣло худо,
Закричали: »что за чудо!«
Побѣжали во дворецъ,
Возвѣстить, что ужъ конецъ
Всему царству ихъ приходитъ;
Вдругъ царица къ нимъ выходитъ;
Устрашилась ихъ волненья.
»Ну, царица, нѣтъ спасенья!«
Ей сказали въ сильномъ страхѣ;
»Наши головы на плахѣ,
»Врагъ все царство разобьётъ.
»Посмотри, вотъ онъ идётъ,«

Трепеща они сказали,
»Ну, теперя мы пропали!...«

Какъ Иванъ, своей рукой,
Кровь пролилъ вездѣ рѣкой,
То всѣ крылья опустили,
И пощады запросили.
Всѣ вскричали: »молодецъ!
»Взмилуйся, будь нашъ отецъ!
»Кровь не лей нашу напрасно,
»Всѣ тебѣ единогласно,
»Мы клянемся въ службѣ вѣрной,
»Честной, истинной, примѣрной.
»Такъ яви жъ благодѣянье!«
Тутъ дуракъ изъ состраданья,
Положилъ въ ножны свой мечь,
И повёлъ къ народу рѣчь.
Какъ, за что онъ съ ними дрался,
Откровенно имъ признался;
Всю исторью разсказалъ.
И царя имъ показалъ.
Предъ царемъ народъ весь палъ
На колѣни и рыдалъ.

Посадили въ колеснищу
Дурака, царя, лисицу,
И, торжественнымъ всѣмъ ходомъ,
Повезли её народомъ.
Шапки вверхъ свои бросали,
Громко всѣ »ура!« кричали.

Время шло и наконецъ
Привезли ихъ во дворецъ.
Царь велѣлъ позвать царевну,
Лиходѣйку безпримѣрну.
Какъ она ихъ увидала,
Поблѣднѣла и упала.
Тутъ велѣніемъ царя,
Ничего не говоря,
Её пхнули въ подземелье,
За ея чертовски зелья,
Говорить съ ней не хотѣли,
Позабыть объ ней велѣли.
Дверь за нею заложили
И землею завалили.
Вотъ явились Петръ, Гаврило,
Извиняться стали было;

Только лишь Гаврило пикнулъ,
»Замолчите!« царь прикрикнулъ,
»Вы злодѣи, а не братья!«
Тотчасъ съ нихъ богаты платья
Сняли, кое-какъ одѣли;
Тѣ противиться не смѣли.
По сту лозановъ имъ дали,
И изъ царства вонъ прогнали.

На другое утро рано,
Царь призвалъ къ себѣ Ивана,
Взялъ его могучій мечь,
Снялъ главу дурацку съ плечь,
Такъ, что тотъ, почти, не пикнулъ.
Тотчасъ онъ лисицу кликнулъ,
И съ ней также поступилъ,
Вмигъ мечемъ её убилъ.
Взявши голову Ивана,
Какъ отрубокъ отъ чурбана,
Сталъ объ стѣны колотить,
Тресть за уши, объ полъ бить,
И замѣтилъ — сквозь високъ,
Словно какъ изъ ней песокъ, —

Дурь посыпалася на полъ.
Царь отъ радости заплакалъ.
Волоса на ней пригладилъ,
И опять къ плечамъ приладилъ.
Взялъ воды живой, ихъ спрыснулъ,
Раза три, потомъ онъ, свистнулъ,
Вдругъ они зашевелились,
Совершенно измѣнились,
Потихоньку съ пола встали,
И другъ друга не узнали.
Нашъ дуракъ сталъ молодцомъ,
Бѣлъ, румянъ и усъ кольцомъ;
Кудри шелковы по плечи,
Какъ гармонья, сладки рѣчи.
А лисица стала дѣвой,
Черноокой, лицемъ бѣлой;
Полной, нѣжною, красивой,
Совершенно неспѣсивой.
Ловкой, умной, говорливой,
И веселой, и шутливой.

Царь её поцѣловалъ,
Обнялъ крѣпко и сказалъ,

LB Ap '09

Подведя её къ Ивану:
»Ну, Ванюша, я не стану
»Боле мой секретъ таить,
»Надо просто говорить,
»Мнѣ съ тобой, какъ съ лучшимъ другомъ,
»Будь сестрѣ моей супругомъ.
»Ты любя обоихъ насъ,
»Отъ великихъ бѣдствій спасъ;
»Такъ живите же вы дружно,
»Лучше брата мнѣ не нужно.«
Кончивъ рѣчь, онъ ихъ поздравилъ.
Тотчасъ самъ гонцовъ отправилъ
Возвѣстить всему народу,
Чтобы въ царскую угоду,
Ко дворцу всѣ собирались,
И его тамъ дожидались.

Взялъ за руки обрученныхъ,
Въ царско платье облеченныхъ,
Вывелъ важно на балконъ,
И, отвѣсивши поклонъ,
»Слушайте!« онъ закричалъ.
Тутъ народъ весь замолчалъ.

»Вотъ мой другъ и избавитель,
»Нашъ чудесный воскреситель!
»Я ему сестру мою,
»Нынче-жъ, въ жены отдаю,
»И все царство въ управленье.
»Вотъ мое вамъ повелѣнье!«
Весь народъ упалъ къ нимъ въ ноги,
Всѣ наполнились чертоги,
Веселились всѣ, кричали,
Всѣ Ивана величали.
Столы длинные накрыли,
Съ мёдомъ бочки покатили,
И пошелъ тутъ пиръ горой,
Прерываемый порой,
Громкимъ возгласомъ — »ура!!«
А мнѣ кончить ужъ пора.

КОНЕЦЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
00025245398